

Алексей Ремизов. Возвращение

Государственный литературный музей

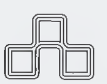
Алексей Ремизов. Возвращение

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

материалы к выставке

МОСКВА ТРИ КВАДРАТА 2013

УДК 76 (084)
ББК 85.15
Р 38

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. ВОЗВРАЩЕНИЕ
Выставочно-издательский проект

Руководитель: Дмитрий Петрович Бак
Автор идеи: Марина Семёновна Гомозкова
Куратор: Алексей Яковлевич Невский

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Материалы к выставке

При поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной программы «Культура России»

Составители:
Ирина Георгиевна Алпатова
Дарья Владимировна Каверина

Фотохудожники:
Павел Степанович Шевяков, Антон Леонидович Погорелов

Издательство «Три квадрата»
Директор: Сергей Васильевич Митурич
Дизайн и препринт: Савва Сергеевич Митурич
Корректура: Ольга Александровна Моисеева

ISBN 978-5-94607-177-2

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ
ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА МОСКВЫ
МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «МАНЕЖ»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

16 апреля – 22 мая 2013

Государственный Центральный выставочный зал «МАНЕЖ»
Генеральный директор: Ирина Александровна Толпина

Проект «Книга художника / Livre d' artiste»
Художественный руководитель проекта: Марина Девовна Лошак

Над выставочным проектом работали:
Марина Девовна Лошак (Государственный Центральный выставочный зал «МАНЕЖ»)
Алексей Яковлевич Невский (Государственный литературный музей)
Дарья Владимировна Каверина (Государственный литературный музей)
Ирина Георгиевна Алпатова (Государственный литературный музей)

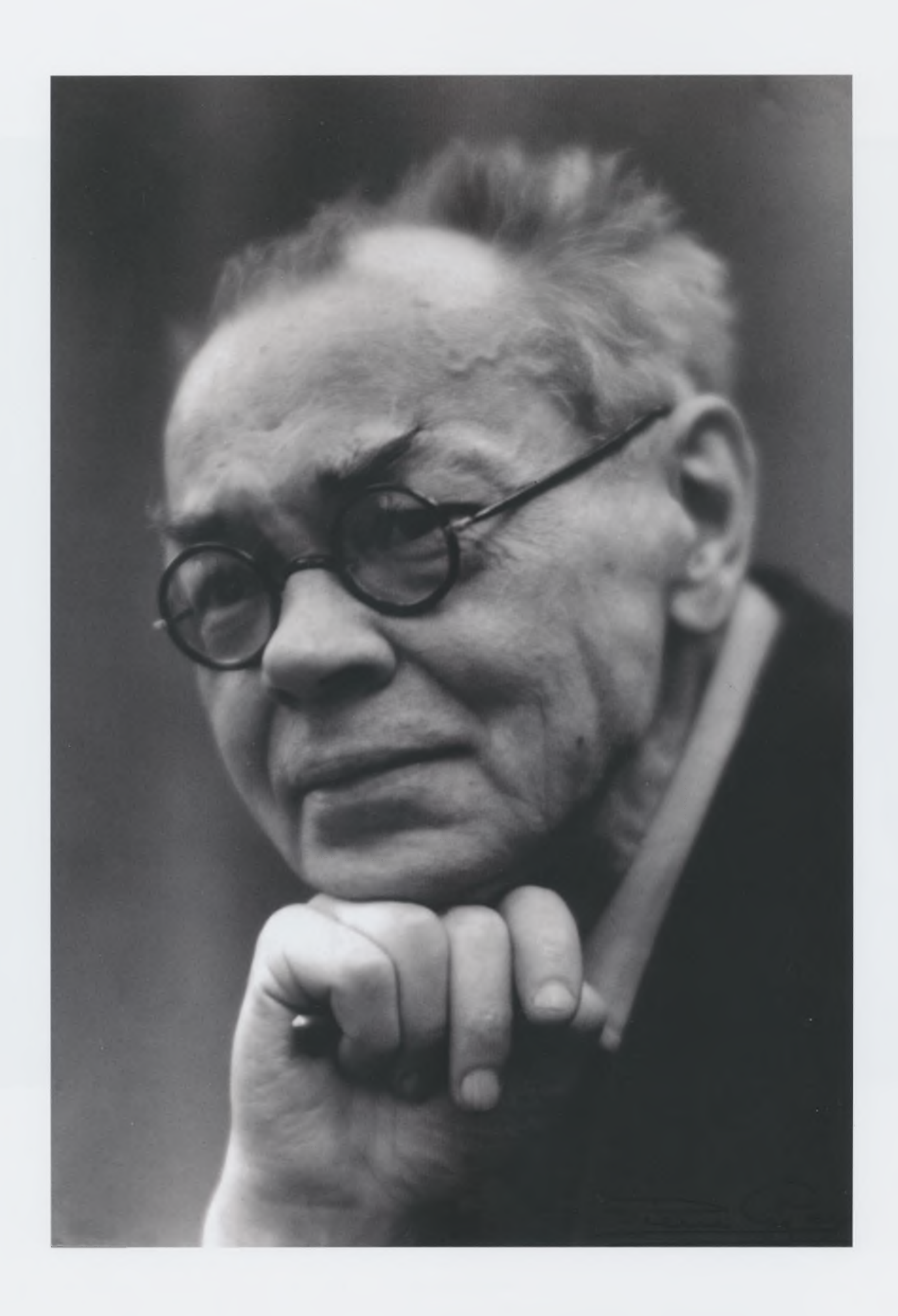
Дизайн выставки:
Юрий Игоревич Аввакумов, Алёна Валентиновна Кирцова

Государственный Центральный выставочный зал «МАНЕЖ», цокольный этаж
Москва, Манежная площадь, 1

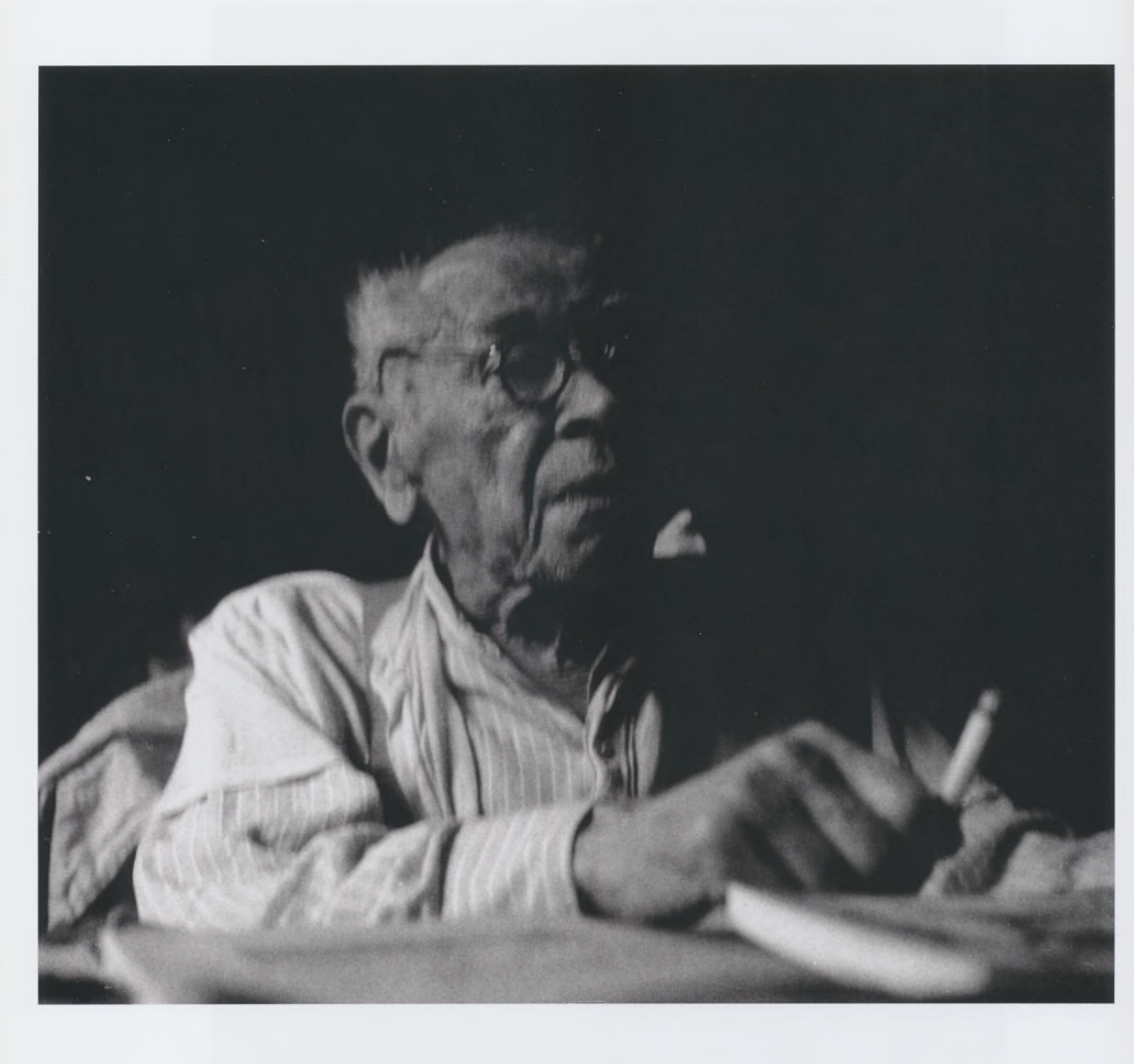
Выставочно-издательский проект «АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. Возвращение»
основан на материалах архива выдающегося русского писателя
Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957),
в течение 55 лет хранившихся в семье Резниковых (Франция)
и возвращенных в Россию в 2013 году

Активное участие в возвращении архива Алексея Михайловича Ремизова
в Россию принимали
в Министерстве культуры Российской Федерации:
Владимир Ростиславович Мединский
Андрей Евгеньевич Бусыгин
Наталья Юрьевна Самойленко
Анна Викторовна Лактюхина

в Посольстве Российской Федерации во Французской Республике:
Александр Константинович Орлов
Игорь Вадимович Соловьёв
Кирилл Анатольевич Макаров

А.М. Ремизов
Париж, 1940-е годы

А.М. Ремизов
Париж, 1950-е годы

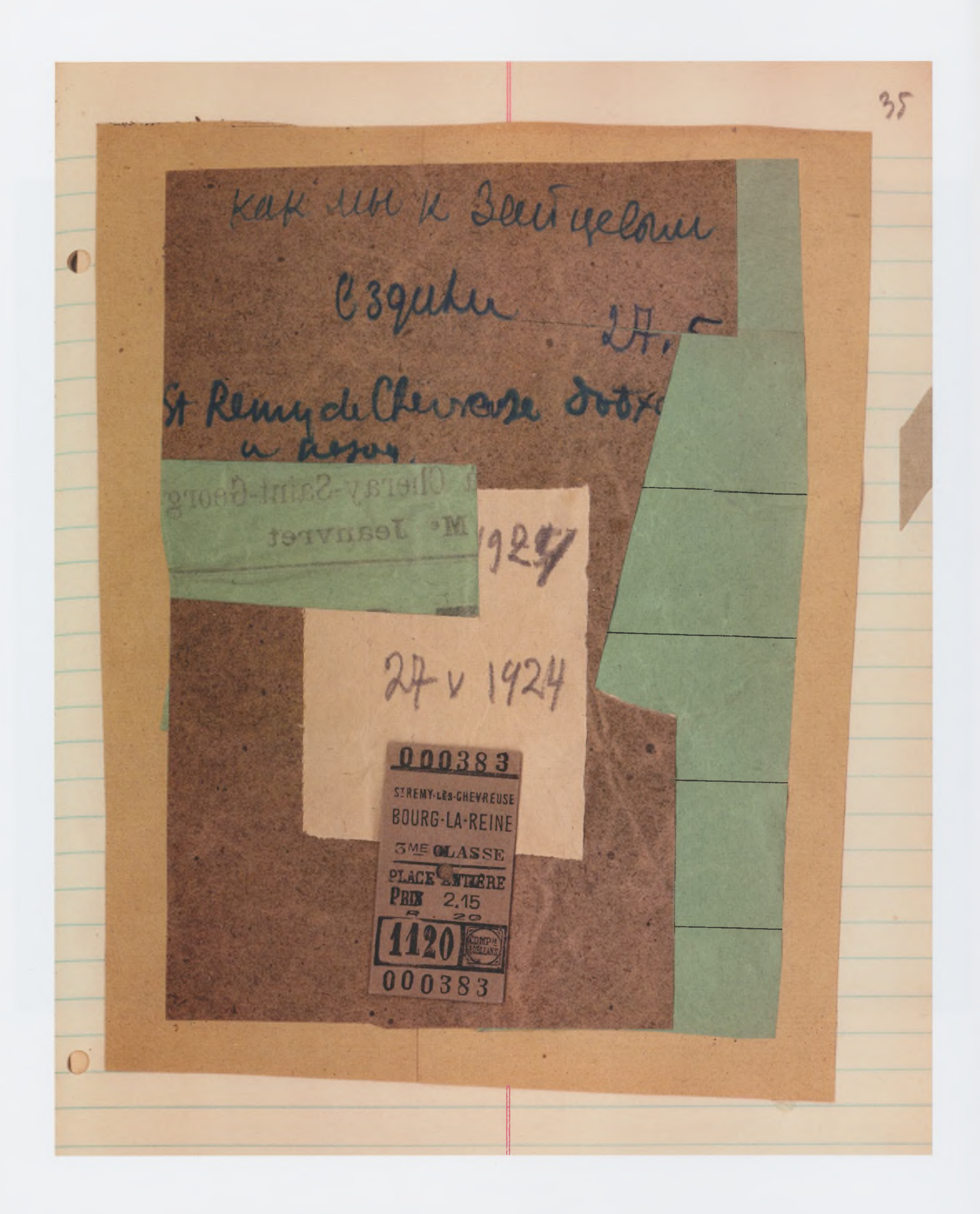
Не только книги имеют свою судьбу, но и рукописи, и дневниковые записи – и вообще все способы и вариации рисования и письма, которыми человек докомпьютерной поры размечал воздушные пути своего земного существования. Алексей Михайлович Ремизов один их тех художников, для которых определение «артист» означает не лицедейство, не усиленное (или легко-естественное) стремление к изысканному изяществу. Вот и на протяжении многих парижских лет (1923–1957) Ремизов оставался самим собою – человеком, думающим текстом и рисунком, живущим лишь постольку, поскольку существует возможность чертить на бумаге (и не только на бумаге) линии и буквы.

«Жизнь и поэзия – одно» – этот девиз Жуковского имеет для Ремизова совершенно иной, новый смысл. Не просто жить, как дышишь, сближать жизненный поступок с творческим свершением – русский художник во французской дали создает как будто бы что-то третье, творит не собственно прозу как таковую и не последовательный ряд жизненных деяний. Мысли вслух, запечатленные в графике и в слове, особого рода литературная критика, основанная на медленном прочтении классических текстов русской литературы и фольклорных сюжетов. И за всем этим – облик художника, вдумчиво и подробно переживающего свою драматическую (а порою трагическую) судьбу.

Возвращение разнообразного и объемного массива рукописей, документов и мемориальных предметов Алексея Ремизова – событие не только для Государственного литературного музея, но для всей отечественной культуры, щедрый дар исследователям и почитателям таланта писателя. В свершении этого события принимали деятельное участие многие замечательные люди, государственные учреждения и общественные организации России и Франции. В первую очередь следует с благодарностью и почтением назвать имя Егора Даниловича Резникова, выдающегося гуманитария, человека высокой русской и европейской культуры, чья семья на протяжении десятилетий была и остается связанной с жизнью и творчеством Ремизова. На протяжении многих десятков лет в доме Егора Даниловича бережно сохранялись ремизовские реликвии, ныне переданные в Фонды Государственного литературного музея. Эта масштабная, в последние годы практически не имеющая сопоставимых аналогов акция была бы невозможна без поддержки Министерства культуры Российской Федерации, руководство и многие сотрудники которого отнеслись к возвращению архива Алексея Ремизова как к задаче государственной важности.

Впереди пристальное и внимательное описание материалов архива, подготовка экспозиций, реализация исследовательских программ, подготовка научных изданий. Ученые Государственного литературного музея в сотрудничестве со специалистами из иных дружественных академических и архивных учреждений, в которых хранятся рукописи Ремизова, готовы к решению этих ответственных задач. Возвращение Алексея Ремизова в Россию продолжается.

Дмитрий Бак
Директор Государственного литературного музея

Как мы к Зайцевым ездили
Лист из альбома, с. 35
Бумага, коллаж, картон, чернила, карандаш
27,6 x 20,4 см; 21,5 x 16,5 см
Париж, 1926
ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 131

В парижском пригороде Кашан 11 февраля 2013 года, в ясный зимний день, который в России с полным основанием назвали бы тёплым весенним, в мансарде просторного трёхэтажного дома паковали для отправки в Москву архив Алексея Михайловича Ремизова. Сотрудники транспортной компании укладывали в коробки книги, папки с рукописями, личные вещи писателя. Несмотря на внушительные размеры помещения, служившего чем-то вроде библиотеки и склада одновременно, упаковщикам приходилось лавировать между громоздившимися на полу стопками книг и бумаг, чемоданами, свёртками, кульками, разнообразными и порой весьма экзотическими музыкальными инструментами. За происходящим несколько растерянно наблюдал хозяин дома – Егор Данилович Резников. Когда стали заворачивать в плёнку мебель – рабочий стол, кресло, книжный шкаф Ремизова – он обвёл комнату взглядом и вздохнул: «А вот шкаф, наверное, отдавать не следовало: было бы, куда книги ставить. Впрочем, делать нечего... Обещал...»

Мы познакомились с Егором Даниловичем за год до этого. Из Министерства культуры в литературный музей передали письмо, в котором он рассказывал о хранимом его семьёй архиве Ремизова, говорил о попытках английских и американских университетов купить эти документы и предлагал нашему правительству приобрести их для одного из российских музеев или архивов. Указанная в письме сумма была значительно ниже той, которую владелец мог бы выручить на антикварных аукционах.

Нельзя сказать, чтобы содержимое письма явилось для нас полной неожиданностью. О существовании этой коллекции мы давно знали: Егор Данилович допускал к работе с архивом специалистов из разных стран, часть рукописей была опубликована. Поэтому мы, не раздумывая, позвонили по указанному в письме номеру парижского телефона. Егор Данилович легко согласился прислать имевшиеся в его распоряжении списки. Завязался столь привычный для нашего времени «электронный роман в письмах». И чем дольше мы общались, тем яснее понимали, сколь важны для истории не только русской литературы, но и культуры в целом материалы, сохранённые семьёй Резниковых.

О себе и своих близких Егор Данилович говорил сравнительно немного: «Основные факты:

Наш путь за границу и как из Берлина нас турнули
Тетрадь с вклеенными документами (1921–1923)
и рукописными комментариями А.М. Ремизова
19,5 x 15,5 см
Париж
ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 57

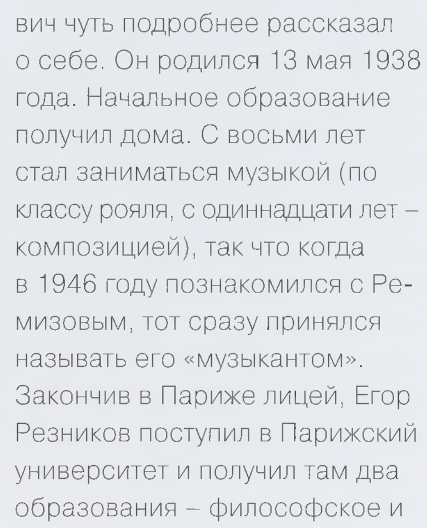

моя бабушка Ольга Елисеевна Колбасина-Фёдорова-Чернова знала Ремизовых в начале XX века. Потом они (с моей мамой и её сестрой-близнецом Ольгой) встречались в Берлине, а с середины 20-х годов – в Париже. И так до войны. Во время войны мой отец [поэт и литературный критик Даниил Георгиевич Резников] им (Ремизовым) помогал. Они очень бедствовали. Серафима Павловна [Ремизова-Довгелло – жена писателя] умерла 13 мая 1943 года (в мой день рождения, когда мне исполнилось пять лет). После войны мама стала литературным секретарём Ремизова».

Ранее обо всём этом подробно написала мать Егора Даниловича Наталья Викторовна Резникова (1902–1992) – переводчица, помощница, доверенное лицо и душеприказчица Ремизова, ухаживавшая за ним в последние годы жизни. Её книга воспоминаний «Огненная память» (Беркли, 1980) по праву считается одним из самых значимым мемуарных свидетельств о писателе. Она же явилась первой хранительницей перешедшей к ней части архива Ремизова. Теперь мы общались с её сыном.

А вскоре прилетевший в Москву Егор Данилович сам пришёл к нам в музей. Высокий, чуть сутулый, седовласый, с правильными чертами лица, он опирался на палку, но двигался легко и быстро. Рассматривая хранящиеся в нашем собрании ремизовские рисунки, альбомы, портреты «кавалеров» созданной Ремизовым Обезьяньей Великой и Вольной палаты (Обезвелволпала), Егор Данилович приговаривал: «Не думал, что это сохранилось... Такого я ещё у Ремизова не встречал... Очень интересно...» В ответ мы говорили о необходимости хотя бы частичного воссоединения разбросанного по разным странам и хранилищам наследия писателя. Впрочем, это и так соответствовало чаяниям Егора Даниловича.

Тогда же по нашей просьбе Егор Данилович чуть подробнее рассказал о себе. Он родился 13 мая 1938 года. Начальное образование получил дома. С восьми лет стал заниматься музыкой (по классу рояля, с одиннадцати лет – композицией), так что когда в 1946 году познакомился с Ремизовым, тот сразу принялся называть его «музыкантом». Закончив в Париже лицей, Егор Резников поступил в Парижский университет и получил там два образования – философское и

Книга ни о чём. Сны
Папка из 7 вложенных тетрадей
Папка: типографский переплет (ткань на картоне), бечёвка, тиснение, тушь, перо
22,4 х 17,4 см
Париж, 1950
ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 15

Вверху: Откуда пошла «Взвихрённая Русь». Дневник 1917–1921
Обложка типографская, картон, бумага, наклейки, тушь, перо, цветной карандаш
Блок: разлинованная бумага, цветные карандаши, чернила, перо, вклейки
22 х 17 см
Париж, 1948
ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 8

математическое. В 1961 году стал профессором Парижского университета. В 1966-м защитил докторскую диссертацию. Говорит на семи языках. Автор десятков научных статей. Подготовлены к печати три его книги. Помимо Парижского университета, преподавал в университетах Москвы, Санкт-Петербурга и финской Академии Сибелиуса. Дважды в год ведёт в Московской консерватории мастер-классы на тему: «Пение в чистом строе и воспитание аутентичного слуха на материале раннехристианских антифонов и древнерусских песнопений». (Кстати, говоря об этом, Егор Данилович тут же пропел несколько музыкальных фраз, чем вызвал благоговейное смятение у внимавших ему хранительниц музея). А ещё он выступает с докладами на конференциях по творчеству Ремизова, принимает в своём доме учёных, участвует в подготовке к публикации ремизовских сочинений. И вот теперь нам предстояло объединить усилия, чтобы принадлежащие его семье архивы писателя оказались в нашем музее.

Потребовался год на уточнение списков, составление экспертных заключений, написание обоснований. И, наконец, на одном из музейных совещаний Министр культуры произнёс: «Принято решение приобрести архив Алексея Михайловича Ремизова».

Затем последовали несколько сумасшедших недель, в течение которых нам нужно было решить множество технических проблем, связанных с переводом денег, оформлением и вывозом коллекции. И когда всё это осталось позади, когда то, что ещё недавно казалось несбыточным, превратилось в явь, мы получили письмо из Санкт-Петербурга от одного из ведущих специалистов по творчеству Ремизова, заведующей Отделом новейшей русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, доктора филологических наук Аллы Михайловны Грачёвой. Она писала: «Мне известно, что в 1930-е годы через посредников Алексей Михайлович вёл переговоры с В.Д. Бонч-Бруевичем [бывшим в то время директором Литературного музея] о продаже своих вывезенных из Советской России архивных материалов (переписок с известными корифеями Серебряного века) именно в московский литературный музей. Так что то, что в итоге совершилось, это, по сути, замедленное исполнение желания Алексея Михайловича... К сожалению, тогда проект по независящим от обеих заинтересованных сторон причинам сорвался».

Но это письмо мы прочитали позже. А в те зимние по календарю и весенние по погоде февральские дни, готовя архив для транспортировки в Москву, мы в перерывах

Мелюзина (1952). Мышкина дудочка (1953)
Бумага. Альбом из двух тетрадей, скреплённых бечёвкой, с наклеенными вырезками из газет
Бумага, тушь, перо, типографская печать
32,5 х 25,7 см
Париж
ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 16

«добирали» материалы для музея: фотографировали дом на рю Буало, 7, где Ремизов провёл последние годы, делали снимки могилы писателя на самом известном кладбище русского зарубежья – в Сент-Женевьев-де-Буа. А затем возвращались в Кашан к красным папкам с рукописями, к шкафам, заполненным книгами Ремизова, к спрятанным в комоде его любимым вещицам и игрушкам...

Когда архив был упакован, представители транспортной компании взвесили все «двадцать два места груза» (без учёта мебели). Общий вес превысил триста пятьдесят килограммов. Триста пятьдесят килограммов рисунков, книг, но главное – пятнадцать тысяч листов, исписанных рукой Ремизова, и среди них – «Взвихрённая Русь», «Подстриженными глазами», «Иверень», «Мелюзина», «Тристан и Изольда», давно ставшие классикой литературы. Осознать это было трудно...

А день спустя я сидел в кресле самолёта и, удаляясь от Парижа, улицы Буало, Сент-Женевьев-де-Буа и Кашана со скоростью 980 км в час, читал подаренное Егором Даниловичем издание воспоминаний его матери. Уже на подлёте к Москве я наткнулся на главу, в которой, рассказывая о последних днях Ремизова (он умер 26 ноября 1957 года), Наталья Викторовна пишет: «В первых числах ноября у А.М. поднялась температура <...> А.М. особенно не страдал. Рассудок его был вполне ясен, и память не изменяла ему. Он думал и говорил об очередных делах. Его радовала переписка с учёными в Москве и Ленинграде... Я сказала, что пошлю туда его архив. Он ответил: "Не торопитесь, Наташа, поработайте здесь. Там ещё не настало моё время"».

И, прочитав эти строки, я подумал: «Его время пришло...»

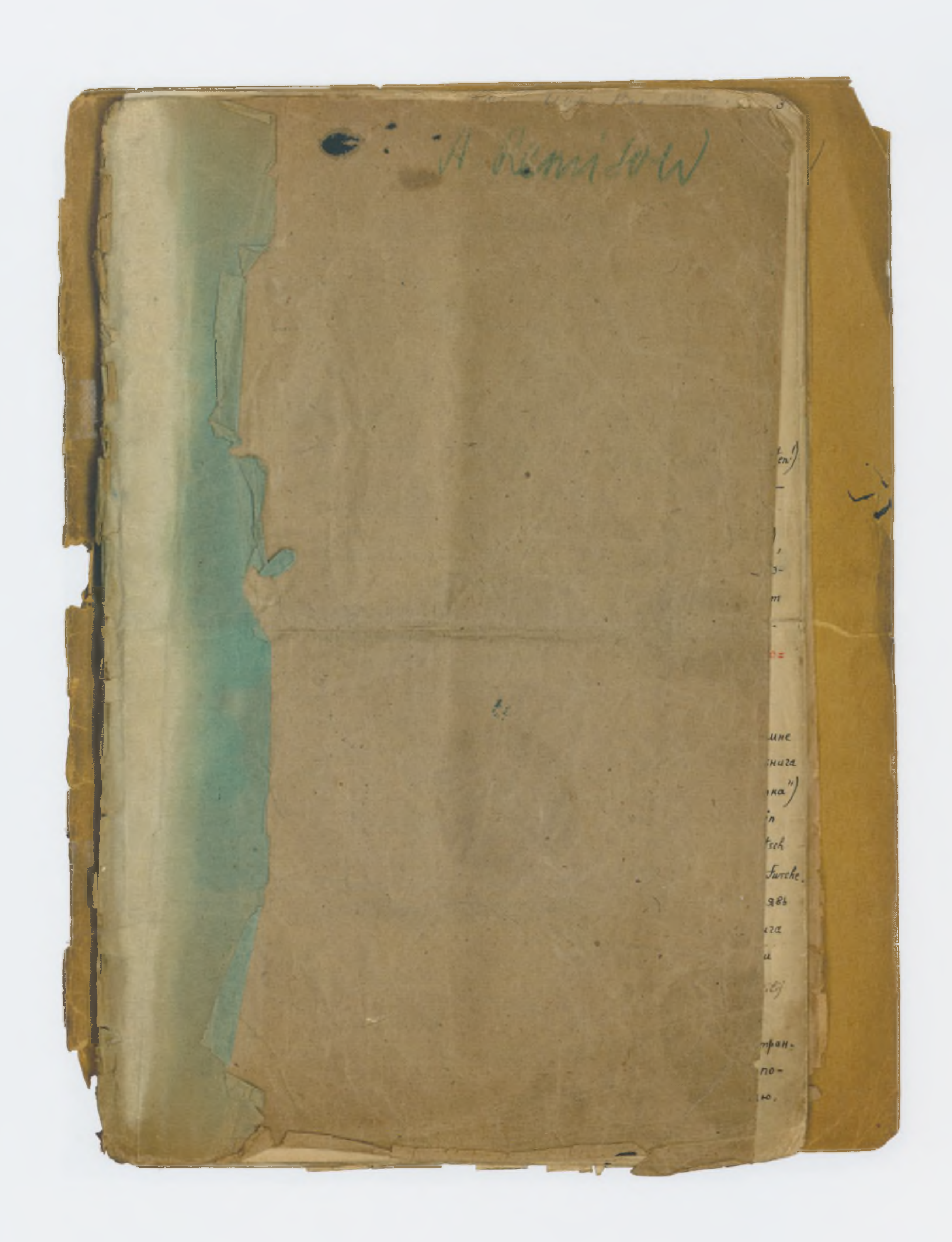
Алексей Невский

Главный хранитель Государственного литературного музея

А. М. РЕМИЗОВ. АВТОБИОГРАФИЯ

Алексей Михайлович Ремизов [Автобиография]
Альбом из 11 пронумерованных листов в бумажной обложке
Бумага, тушь, цветная тушь, перо
32,7 x 21,2 см
Берлин, 1923
ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 90

Kr[illegible]

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
РЕМИЗОВ
Alexei Rémisow

[redacted]

(24.6.1877 г)

Фамилию мою Ре́мизов надо произносить с ударением на „е", а не на „и": „Ремизов" [redacted] происходит не от глагола remettre (remis), а от колядной птицы ремеза, о которой в колядках, древних святочных песнях, сложен стих. (А. А. Потебня, Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1887).

[redacted]

Тут же меня и по другому кличут:

одни — Remersdorf (Kalenderdichter) (Lukas) Remersdorf aus Tiergarten!)
другие, это те, что меня за китайца признают, те просто — Remiso.

Оттого, ~~должно быть~~ ли, что родился я в Купальскую ночь (Johanisnacht), когда в полночь цветет папоротник и вся нечисть лесная, водяная и воздушная собирается в купальский хоровод скакать и кружиться и бывает особенно буйна и громка, я почувствовал в себе глаз на этих лесных, водяных и воздушных духов и две книги мои Посолонь и К Морю-Океану в сущности рассказы о знакомых и приятелях моих из мира невидимаго — „чертячьяго"

Глаз мой, обращенный к таинственному в жизни природы, открыл мне таинственное же и волшебное в жизни человеческой — так вышла книга волшебных историй Зга. („Зга" — слово санскритское, означает „тропка") Некоторые рассказы из этой книги переведены на немецкий: Prinzessin Mymra, Novellen und Träume. Gustav Kiepenheuer Verlag. Weimar, 1917. Deutsch von Alexander Eliasberg. Рассказ „Gottesurteil" Übersetzt von A. Eliasberg. Neue Russische Erzähler. Furche. Verlag, Berlin 1920

А проникнув еще глубже, этот глаз мой вывел меня за дневную явь в мир сновидений — в пространство многомерное, так вышла книга снов Бедовая доля. По немецки небольшая часть из этой книги входит в „Prinzessin Mymra" и отдельно: Das Los der Elenden. Graphik von Wassilij Kandinskij (Weimar) Orchis Verlag. München (печатается)

Назвали меня Алексеем — именем Алексея Божия человека — странника римского. И вот нечаянно-негаданно судьба дала мне в руки посох и в ранней молодости странствие по свету выпало мне на долю.

В книге **Баранки** (да это не те баранки, что к чаю, это другие — такие наручники, которыми арестант к арестанту приковывается, чтобы не разбежались!) собраны рассказы из тюремной жизни и ссылки — наблюдения страннических лет. Сюда же относится и **Бык-Корова** — тюремная эпопея.

Назвав именем римскаго странника, окрестили меня в честь Алексея митрополита московскаго, „строителя" причисленнаго благодарной памятью народной к лику святых-чудотворцев за великие заслуги перед Россией во времена татарского ига (XIV в.). И по ангелу своему — так по русски называется святой, имя которого носит человек — завет: Россия — есть завет мой первый и дума завещанная.

В книге моей **Огненная Россия** я сказал мое погребальное слово старой отшедшей России, благословляя подымающуюся на месте разрушенном новую — Россию новую. Ogniwe Rusko (о достоевском) Zeme № 6 22 г.

В книге **Русские женщины** представил сказками образ женской России — матери, сестры, невесты — сорок и три образа. По немецки: Russische Frauen. Dem Volksmunde nacherzählt. Übertragen von Alexander Eliasberg. Drei Masken Verlag, München, 1923.

В книге **Русская вера** „Звенигород окликнутый" ~~рассказал в легендах~~ — 25 сказа — о русской вере в русскаго народного бога — Николу. По немецки Russischer Glaube. Orchis Verlag, München. [redacted] В переводе А. Элиасберга. (Печатается)

В книге **Докука и балагурье** выразил в сказках — 66 сказок — народную мудрость и юмор. По немецки напеч. одна сказка: Der Fund (Находка) Der Montag Morgen N 5. 2. 7. 23 Übersetz. K. Rosenberg

В книге **Русския повести** „Укпаш венец" — любимые народные сказания о святых и чертях, ~~по преимуществу~~. По немецки некоторые повести в книге Legenden und Geschichten. Kurt Wolf Verlag. Die jüngste Tag 60/61. Übertragung von Arthur Luther. Кроме того: Russische Legenden. Übertragen von Reinhold von Walter. Die neue Rundschau. 1922, Siebentes Heft.

* * *

2 **В**оспитание получил я строго-религиозное и это дало мне возможность узнать близко всю обрядовую сторону русскаго православия, а хождения по монастырям „на богомолье" — быт монастырский, странников-убогих и душу народной веры, сказавшуюся в отреченных (не канонических) легендах-апокрифах.

Так вышла моя книга **Цепь золотая — Страды мира** — книга ~~золотых~~ легенд о страстях всей [redacted] твари от звезд до

— книга самоцветнаго света веры и мудрости.

человека, По немецки: Goldene Kette – Weltpassionen. Pflüger Verlag, München. В переводе Gert. Hahn. (Печатается). Die Wanderung der Muttergottes durch das Reich der Qualen. Deutsch von N. S. und R. K. Die neue Rundschau. 1922, Zwölftes Heft.

К этой книге примыкает **Трава-Мурава** — легенды цареградские. Одна из легенд (трава-мурава) „Царь Соломон" распространенная и дополненная, выходит по немецки в переводе Александра Элиасберга с рисунками Натана Альтмана в Orchis Verlag, München („König Salomo"). А из бытовых — **Безприютная**, повесть монастырская. И два свитка (иначе не знаю как назвать): **Пляс Иродиады** и **Гнев Илии Пророка**, в основу которых положены легенды византийские и латинские, от Московской приметы до Каталонскаго предания — наука акад. А. Н. Веселовскаго.

* * *

Учился я в Московском университете на естественном отделении физико-математическаго факультета и одновременно слушал Ключевскаго — историю, Чупрова — политическую экономию, Янжула — финансовое право.

Хотел все науки пройти и все знать.

Философию же начал изучать еще в училище, пользуясь указаниями проф. Н. А. Зверева.

Как память пристрастия моего философскаго осталось слово мое „Электрон, от слов Гераклита Ефесскаго" (входит в книгу „Огненная Россия") и перевод книги **Леклера, К монистической гносеологии**.

За Огнената Судба. Хиперион 1923 к 2. София.

Наукам археологическим научила меня жена моя С. П. Ремизова-Довгелло, и это дало мне возможность написать книгу **Россия в письменах**, в которой затеял я представить Россию по обрывкам и осколкам ея памятников.

И это не историческое ученое сочинение, а новая форма повествования, где действующим лицом является не отдельный человек, а целая страна, время же действия — века.

* * *

С детства пристрастился я к театру.

Религиозные процессии — крестные ходы — большое архиерейское служение представляли зрелище большого всенароднаго действа.

А в [redacted] театре начал я с балета с „Конька-горбунка" и очень понравилось. А уж потом проник к драме и особенно поразил меня Шекспир.

Греческий театр и средневековой [redacted] любимы[redacted] книг[redacted]

Так вышли три мои действа, в основу которых положена песенная легенда — духовный стих. Эти три действа **Бесовское тридейство** надо рассматривать неразрывно, как одно большое действо: **Бесовское действо** — начало хаотическое (бесы неорганизованы — хвосты, рога, хоботы), **Трагедия о Иуде** — начало человеческое (бесы только замаскированы) **Егорий Храбрый** — начало хоровое (бесы организованы). „Бесовское действо" переведено на французский L'Office des Diables. Traduction de M. et Mme G. Pitoëff et de Mme J. Bucher. La Revue de Genève. №29 Novembre 1922.

„Бесовское действо" было поставлено В. Ф. Коммиссаржевской в Петербурге, „Трагедия о Иуде" — в Москве у Ф. Ф. Коммиссаржевского и в „Театральной мастерской" в Петербурге б. Ростовским театром, во главе которого стоял режиссер П. Вейсбрем. „Егорий Храбрый" планировался П. П. Гайдебуровым для Передвижного Театра, но осуществить не пришлось, [и опера В. А. Сенилова на „Егория Храброго" не ставилась.] По чешски „Бесовское действо" (Satanské mysterium) в переводе Н. Папоушковой-Мельниковой принято к постановке в Национальном Театре в Праге.

Отдельно от этого Бесовского тридейства стоит **Царь Максимилиан**, написанный по записям народных представлений „Царя Максимилиана, и по форме своей — единственный.

Царя Максимилиана ставили в Петербурге в б. Доме Просвещения на Лиговке, разыгрывался он железнодорожными рабочими и моими учениками красноармейцами из Толмачевского университета под гармо[...]. Постановка режисера Н. А. Лебедева.

Увлечение балетом внушило мне большое музыкально-плясовое действо — **Русалию**. Так произошли три русалии: „Алалей и Лейла", „Ясня", „Гори-цвет" („Красочки").

К „Алалею и Лейле" музыка задумана была А. К. Лядовым, но после его смерти ничего не нашли, „Ясня" готовилась с О. О. Преображенской, но и режиссера А. П. Зонова и меня посадили в госпиталь на испытание и все расстроилось, „Гори-цвет" („Красочки") с музыкой Гречанинова ставили в Детском Театре в Москве, постановка Г. М. Паскар, есть еще музыка Г. Л. Ловицкого на „Гори-цвет", но публично нигде не исполнялась. Из „Алалея и Лейлы" Анатолием Канкаровичем написана музыка на весеннюю песню („К нам! торопитесь весенние ветры...") и много раз прошла на петербурских вечерах весной 1920 г. в бесподобном исполнении Ив. В. Ершова, пожалованного Обезьяньей великой и вольной палатой в певцы обезвелволпала, — те, кто слышал, на всю жизнь не забудут: ведь это Россия пропела тогда свою первую весеннюю песню!

К театру всегда влекло. Перевел несколько пьес: Метерлинка, Рашильд, Андре Жида, Іоганна Шляфа и Граббе. И из всех мне ближе Граббе — ~~Christian Dietrich von Grabbe~~ — мой перевод его „Шутки-сатиры-~~комедии~~ [redacted] был запрещен цензурой и рукопись пропала и ни Вл. Вас. Гиппиус, ни Е. Ф. Книпович, сколько ни старались, а найти не могли.

Первая изданная книга моя — перевод мой в сотрудничестве с Вс. Мейерхольдом и Ю. Балтрушайтисом книги А. Роде, Гауптман и Ницше. Москва, 1902.

В период Опыта (с 1918 по июль 1921 г.) служил в ТЕО, потом в ПТО в Петербурге по репертуару. [redacted]

Итог моей службы — книга о театре и книге Крашенные рыла.

* * *

Происхождение мое, выражаясь по-анкетному, самое буржуазное: из богатой купеческой семьи и по отцу и по матери. Оба московские. (Мать [redacted] — корня володимирского из села Батыева Суздальского уезда; отец — тульский из села Алитова Алексинского уезда). Но благами богатой семьи не суждено мне было пользоваться. По всяким семейным обстоятельствам: и отец помер, когда мне и шести годов не было, и семья большая, — все [redacted] сошлось неблагополучно, и с ранних лет самостоятельно я начал свою жизнь.

Раннее детство мое прошло около фабрики в кругу фабричных и просто бродячих, так называемых, уличных мальчишек, к которым и я принадлежал.

Я был самый младший.

Многие из тогдашних товарищей моих рано погибли.

Меня „оберегла" (от слова „оберег" — заговор, заклятие) книга.

Жгучую память сохраню о Достоевском — первой прочитанной книге, которому посвящено в моей „Огненной России" [redacted] слово.

По французски: Le génie ... Revue de Genève, 1923 №36 juin и в Revue Mondiale 1. 9. 23. Paris

Учусь [redacted] у Гоголя (а учился), его глазу, его подвижничеству и [redacted] терпению.

Вот несколько строчек из „Невского проспекта", как изображать надо и что меня очень поразило:

> „нет, это фонарь обманчивым светом своим выразил на лице ее подобие улыбки; нет, это собственные мечты его смеются над ним. Но дыхание занялось в его груди, все в нем обратилось в неопределенный трепет, все чувства его горели и все перед ним окинулось каким-то туманом; тротуар несся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка

валилась к нему навстречу, и алебарда часового, вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами, блестела [redacted] на самой реснице его глаз."

6 Люблю Лескова — его „потрясателей основ," „пищепитание" но не [redacted] апокрифы (я говорю только о стиле!), ритм которых через-чур [redacted] доступен, чуть-чуть [redacted] и — Мельников=Печерский, а Мельников=Печерский, это чего уж никак не нужно. (ритм! ритм!)

Из незаслуженно забытых — некоторые рассказы ~~[illegible]~~ Николая Вас. Успенского (изумительного рассказчика и жесточайшего Мопассана!), страницы Слепцова, Левитова.

Завидна была воздушная проза Пушкина и игольчатая Лермонтова. Но Пушкин — ангел, а Лермонтов — демон, а я не ангел и не демон, я только — „б. канцелярист обезвелволпала."

Мне представлялось так:

к Гоголю тропа — надо взять на себя великий подвиг;
к Достоевскому — [redacted] надо душу [redacted] измаять;
к Лескову — глоху подковать; [redacted]
а в „разряд изящной словесности" — [redacted] —

Пушкин и Лермонтов, придавленные сапожищем Льва Толстого, — „изящный" отпис или, если хотите отписк, это и есть наш классический, „академический" стиль (с правдоподобнейшим описанием природы) — разряд изящной словестности!

„Нет, всякую ночь буду [redacted] отлетать на болото и высиживать там цаплины яица: из них выйдет жар-птица!" (Из Лескова).

Так в „изящный" разряд и не попал.

Любимыми писателями, которых читал всегда, назову умершего в 1919 г. в России русского философа В. В. Розанова и ныне живущего в Париже Льва Шестова. С обоими судьба свела: с В. В. Розановым в Петербурге в 1905 г., с Шестовым в Киеве в 1904-м.

Московский фабричный и уличный быт дал матерьял для моего первого романа Пруд. А скитания по провинциальным глухим городам России помогли написать мне Часы, Пятую язву и повесть Неуёмный бубен.

Петербург представлен в романе Крестовые сестры (На немецком: Die Schwester im Kreuz. München bei Georg Müller, 1913. Übersetzung von Feda Frisch). Из петербургской жизни и повесть Корявка и Глаголица и роман Ров львиный. [redacted]

„Ров львиный" замыкает предыдущие романы — „Пруд", „Часы", „Крестовые сестры" и „Пятую язву", как „Действо о Егории Храбром" разрешает два первые действа „Бесовского тридейства" — „Бесовское действо" и „Трагедию о Иуде".

К разрешающим относится и книга рассказов **Вереница** — книга о свете человеческом. (По немецки один рассказ: „Die Wilden." Übersetzt von Johannes von Günther. Russische Tier-geschichten. Drei Masken Verlag, München, 1923) Das Wunder (Чудо) W. D. Umansky. Arbeiter Zeitung N 188 Wien 11.7.23; Das Nobelchen (Куколка) W. Umansky Prager Presse N 192 15.7.23 Das Blumenfest. W. Umansky. Prager Presse N 202 25.7.23 (Цветок) Aljonuschka. W. Rosenberg. Vossische Zeitung N 284 14.6.23 Berlin

В романах основной вопрос о судьбе, о человеке и о мире: о человеке к человеку и о человеке к миру. Allerheiligstes (Святая святых) v. K. Rosenberg V. vische Zeitung N 475, 7.10.23 Berlin

— Что есть человек человеку?

— Человек человеку бревно — человек человеку подлец — человек человеку дух утешитель.

— Человек в вечном круге хорового мира — вечная борьба человека с мировым хором за свой голос и действие

— А над всем судьба что ли.

Способ описания душевных движений (действие человека в человеке) — трагический, — <u>хоровой</u>. [redacted]

× × ×

Отдельно стоит повесть моя **В поле блакитном** — первая часть большого повествования о (женской [redacted] трагической души;) начало второй части — **Доля**.

Глава из книги „В поле блакитном" по немецки: „Jugend" aus dem Werke „Im Blauen Felde". Übersetzung von Sega Frisch. Der neue Merkur, Mai, 1922. [illegible] и вся книга. Fischer Verlag. Berlin (печатается) в пер. R. Rosenberg

Отдельно же стоят **Заветные сказы** — первый опыт для создания Русского Декамерона.

Революция 1905 года выражена в повести **Петушок** и в некоторых рассказах в книге „Баранки".

Канун [redacted] революции (1917 года) в книге **Мара**.

Революционный период 1917–1921 [redacted] до Нэпа — в летописной повести моей **(Взвихрённая Русь)** **(Всеобщее восстание)** ~~Временник~~ **Алексея Ремизова**, первая часть которого — „~~От Аза до Ижицы~~" закончена, также и в книге рассказов **Шумы города** (По немецки один рассказ „Das Fräulein in den Kreuzen." Übersetzung von Berta Schiratzky. Berliner Börsen-Courier, 1921, N 603 и „Das Mädchen von den Kresty." Übersetzung Scidic (Никодка) Most 1922 N 5-6. Praha.

Heart. Translated from the Russian by John Cournos. "The Dial" January v. LXXI n 1 (Белое сердце) 8
…rliches Leben. Übertr. v. R. Rosenberg Die neue Rundschau, 1923 9 Heft. September (Жизнь человеческая)
…ge Weise. Üb. v. Rosenberg Das Tagebuch 1923 21 juli ([illegible])
… Fega Frisch. Der Basilisk. Sonntagsbeilage der National-Zeitung Basel. Nr. 34, 1922.
…французский переводит М. Гиршвальд) и в книге [redacted] Ахру —
…вести петербургской. Из этой „Ахру" по немецки: „Aus dem flammenden
…ssland zu den Sternen, Alexander Block zum Gedächtnis." Übersetzt von Fega
…isch. Der neue Merkur. Januar, 1922; „Der Hacken". Übertragen von Fega
…isch. Prager Presse. 1922, N 78)

К большому моему горю черновыя записи рассказов за эти годы, …ва и сны — все пропало. И восстановить в памяти боюсь, не …йдет.

А много было чего собрано — в обрывышках, только мне понятных — чудесного и чудодейственного.

(Лиспрепідобни, Србски Књижевни Гласник 1 јун 1922)

[redacted]

* * *

В эти годы в России возникало много больших мировых (планетарных) задач — ведь, когда так ярко не горела мечта человека о свободном человеческом …рстве на земле, как в России в эти годы.

А мечты были подлинно головокружительные до электрофикации —

до электрофикации а/д/а!

…ектрофицировать преисподнюю, тьму кромешную, вы понимаете?

По Литейному, помню, [redacted] с Шкловским шли мы с Вечера и эта моя [redacted] …ысль электрическая встрепенула [redacted] его.

— Из-воз-чик!!! — как крикнет он вдруг на весь Литейный, точно [redacted] автомобильная шина лопнула.

А кони давно все пали,
а падлое мясо — синюю конину поели,
а съел кто, давно помер,
а покойников с электрическими лампочками
— страх [illegible]! —
всех [redacted] переловили

[redacted]

Мне пришло [redacted] на мысль выразить русским голосом — самым …мире свободным и громким по мечте своей — голос народов всего мира,

народов отверженных, „диких", затесненных,
обиженных, погибающих и погибших.

Пусть прозвучит по-русски их заветное на всеобщем суде!

Р9 9

Это в роде как на старинных фресках, сохранившихся в старых русских соборах, (О диковинных открытиях за эти годы см. П.П. Муратов в „Соврем. Зап. 1923, XIV) в „Страшном суде", когда олицетворенные выходят целые страны и народы — „литва", „русь", „арапы" — и говорят о себе — из уст ленточка и надпись на ней:

свое последнее слово.

Мне удалось положить лишь маленькие камушки — сказ сибирский, сказ кавказский, сказ тибетский: Тякхчыгыстаасу, Лалазар, Ё.

* * *

Печататься я начал с 1902 года.

В 1902 г. издан мой перевод о Гауптмане и Ницше (Изд. В. М. Саблина, М. 1902), свои же книги начал издавать с 1907.

С 1907 по 1920 издано было в России 36 моих книг и 5 переводных — и все эти книги разошлись

И не осталось у меня полного комплекта — и до чего страх-то бывает силен! — взял один да все и сжег: 36 и 5 — 41 книгу!

В новой редакции „шарлоттенбургской" и систематизированные издаются книги мои понемногу в Германии.

В конце лета 1921 г. по невыносимой головной боли, от которой последний год петербургский много мучился, вынужден был временно уехать из России.

Я в России осталось — в Москве в Замоскворечьи в Толмачевском переулке, где я родился, в Третьяковской галерее стоит деревянный истукан работы Анны Семеновны Голубкиной.

Пользуясь гостеприимством Германии, поселились мы сперва в Шарлоттенбурге, где прожили до полутора года, а теперь между Tiergarten'ом и Alt Moabit'ом, где по субботам и в воскресенье такой в церквах звон подымается, не знаешь —

ли ты в Москве
ли ты в Берлине.

Berlin
12, 5. 23

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

Мои книги — шарлоттенбургская редакция; со звездочками неизданные.

Труд. Роман.*
Часы. Роман.*
Крестовые сестры. Изд. З. И. Гржебина. Б. 1923.
Пятая язва. Изд. З. И. Гржебина. Б. 1922.
Ров львиный. Роман.*

Повесть о Стратилатове (Неуёмный бубен). Изд. Русское Творчество. Б. 1922.
Безприютная. Изд. Е. Гутнов. Б. 1922.
Корявка. Изд. Е. Гутнов. Б. 1922.
Петушок. Изд. Мысль. Б. 1922
Глаголица. Святочная повесть.*

В поле блакитном. Изд. Огоньки. Б. 1922.

Баранки. Рассказы.*
Бык-Корова. тюремная эпопея.*
Эга. Волшебные истории.*
Вереница. Рассказы о свете человеческом.*
Мара. Изд. Эпоха. Б. 1922.
Шумы города. Изд. Библиофил. Ревель, 1922.

Бедовая доля. Сны.*

Цепь золотая. Страды мира.*
Траве-мураве. Изд. Эфрон! Б. 1922
Пляс Иродиады. Изд. Трирема. Б. 1922
Гнев Ильи Пророка.*
Русские повести.*

Сказки русскаго народа сказанные Алексеем Ремизовым:
Докука и балагурье. Изд. З. И. Гржебина. Б. 1923
Русские женщины. ~~Изд. Drei Masken Verlag, München~~ (печатается).
Русская вера. ~~Изд. Orchis Verlag. München.~~ (печатается)
Звенигород окликанный

Посолонь*
Красные поигрунки.*
Сказки обезьяньего царя Асыки. Изд. Русское творчество, Б. 1922
К Морю-Океану.*
О горе злосчастном. Сказка. Изд. А. С. Смирнова. Б. 1922

Заветные сказы.*

Чакчыгыс-таасу. Сказ сибирский. Изд. Скифы. Б. 1922
Лалазар. Сказ кавказский. Изд. Скифы. Б. 1922
Ё. Сказ тибетский. Изд. Русское Творчество. Б. 1922

Бесовское тридействие.*
Русалия. Изд. З. И. Гржебина. Б. 1922
Царь Максимилиан.*

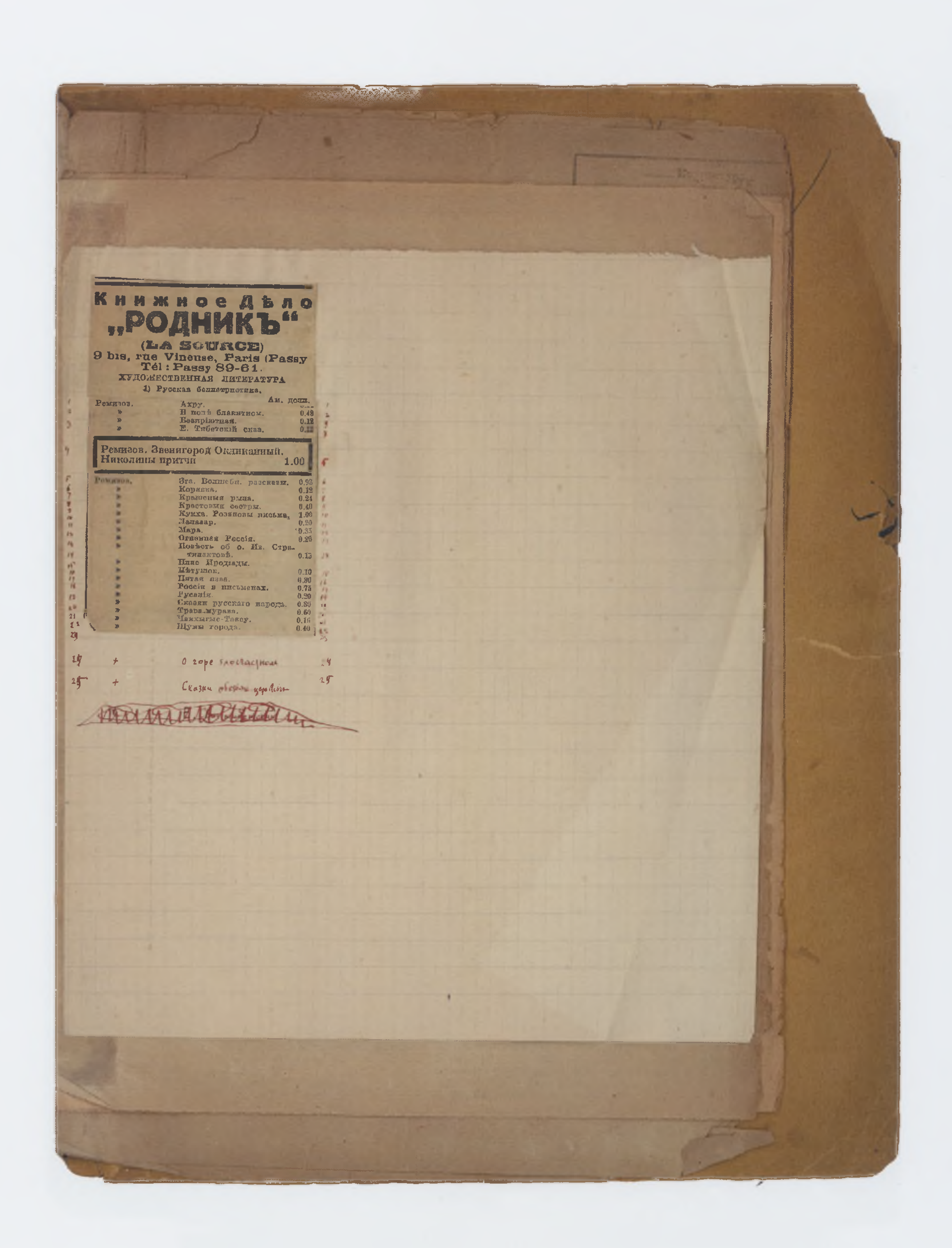
Крашеные рыла. Изд. Грани. Б. 1922.
Огненная Россия. Изд. Библиофил. Ревель, 1921
Ару. Изд. З. И. Гржебин. Б. 1922
Россия в письменах. Изд. Геликон. Б. 1922
Веретейка. В роде стихов.*
Всеобщее восстание. Временник.* — Взвихрённая Русь
Розановы письма.* Кукха.

Die Schwester im Kreuz. Übersetzt von Fega Frisch. Georg Müller Verlag. München, 1913.
Prinzessin Mymra. Novellen und Träume. Übersetzt von Alexander Eliasberg. Gustav
Legenden und Geschichten. Übersetzt von Arthur Luther. Kurt Wolff Verlag, Leipzig,
Die jüngste Tag. 61/61

Russische Frauen. Übersetzt von Alexander Eliasberg. Drei Masken Verlag, München, 1923.
Die goldene Kette Weltpassionen. Übertr. v. Gertrud [illegible]. Pflüger Verlag München 1923

Křížové sestry. Přeložil Lad. Ryšavý. Knihy dobrých autorů Kamilla Neumannová. Praha-Olšany, 1916
Apokryfy. Přeložil Lad. Ryšavý. Vydává Stanislava Jílovská. Praha, 1920
Pátá jízva. Přeložil Lad. Ryšavý. Nakladatelství Aloise Srdce. Praha, 1919
Rybník. Roman. Přeložil Ladislav Ryšavý. Ladislav Kuncíř Praha 1923

А еще на каком языке что есть, я не знаю.

Книжное Дѣло „РОДНИКЪ“

(LA SOURCE)

9 bis, rue Vineuse, Paris (Passy

Tél : Passy 89-61.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1) Русская беллетристика.

		Ам. долл.
Ремизов.	Ахру.	
»	В полѣ блакитном.	0.48
»	Бесприютная.	0.12
»	Е. Тибетский сказ.	0.12

Ремизов. Звенигород Окликанный. Николины притчи 1.00

Ремизов.	Эга. Волшебн. рассказы.	0.93
»	Корявка.	0.12
»	Крашеныя рыла.	0.24
»	Крестовыя сестры.	0.40
»	Кукха. Розановы письма.	1.00
»	Лалазар.	0.20
»	Мара.	0.35
»	Огненная Россія.	0.26
»	Повѣсть об о. Ив. Стратилатовѣ.	0.15
»	Пляс Иродіады.	
»	Пѣтушок.	0.10
»	Пятая язва.	0.30
»	Россія в письменах.	0.75
»	Русалія.	0.20
»	Сказки русскаго народа.	0.80
»	Трава-мурава.	0.60
»	Чакхчыгыс-Таасу.	0.16
»	Шумы города.	0.40

24 + О горе Елеонской 24

25 + Сказки обезьян царя Асыки 25

Рисовать я нигде не учился... А рисовать мне, что горе-рыбаку рыбу удить; рисовать – моя страсть. В детстве первые мои опыты: мелом себе на ладонь, а с ладони шлепком на спину прохожим: у прохожего сзади вскакивал от меня белый рогатый чёртик. С этого и пошло.

Ещё заборы: я не пропускал ни одного случая, чтобы мелом или углём не вывести рожу и такую, насколько хватал размах.

В гимназии в перемену, когда другие слонялись или повторяли уроки, я стоял у доски и крушил мел, зарисовывая до кончика доску.

С мелом у меня так крепко связалось рисование, одно время я ел мел, как едят конфеты.

По рождению я близорук, но об этом никто не догадывался. Только в 14-ь лет я надел очки. А произошло это от моей неудачной пробы учиться рисовать: я пошёл в Строгановское училище в воскресенье – воскресные уроки для приходящих бесплатно. Задано было нарисовать геометрическую фигуру. Сам того не понимая, что я плохо вижу, я что-то нарисовал и подал рисунок. И мне учитель сказал, чтобы я больше не приходил. Я очень был огорчён. Вот тут-то я и хватился, что дело не в рисовании, а в близорукости.

Но в очках мне было уже неловко идти к тому учителю. Я думаю, у меня и в очках ничего бы не вышло: привыкнуть к этому миру не легко – и многомерность близорукого глаза непременно впуталась бы в нормальное трёхмерное.

В детстве я книг не читал, я только рассматривал картинки. Над картинками я мог просидеть целый день. Но я никогда не срисовывал картинок. Я ни на чём не навыкал: поэтому я не могу повторить («скопировать») ни своего, ни чужого.

Ещё я не мог переносить линейки и квадратики: всякое ограничение меня отпугивало. И все рисунки мои всегда кривые, всегда летели.

С серого забора я подобрался к сучкам, ясным на белом тёсе: я видел в них «рожи» – «духов». От сучков перешёл вообще к пятнам: расплывшиеся чернила, краска, размытый дождём или половодьем берег. Все это такие сочетания, каких не бывает в натуре*.

И ещё я заметил, коснувшись обоев, что самый материал может из себя дать рисунок, стоит только помуслить палец и начать водить по обоям.

И когда я увидел картины Брейгеля, Босха, Калло – с каким восторгом смотрел я на эти картины! Я увидел в них весь этот мой путь от заборных сучков и облаков до обоев, когда из пятен выступает волшебный рисунок не «натуральных» сочетаний. Именно как раз то, что меня занимало, у этих художников было изображено.

От предметов я перешёл к чистой мысли: я наловчился, зажмурившись, в особенности перед сном, видеть всевозможные «ненатуральные» образы – эти образы пере-

* Припоминая «натуру», над которой я наблюдал и которой старался следовать, я забыл упомянуть «небо» – облака: грозные чудовища и знойные зайчики и барашки с рыбьими хвостами и плавники.

ходили у меня в сон и там действовали, как живые. Но нарисовать я их не мог: расплывалось.

Потом уж, кое как наловчившись ограничивать себя (и в этом, наверное, весь секрет мастерства во всех областях искусства), некоторые свои сказки я стал рисовать, а потом уж писал.

Так соединилось моё рисование с письмом (литературой).

Но есть у меня уголок, где я отвожу мою невоплотившуюся рисовальную душу: это «обезьяньи знаки» – в круге я рисую как поведёт рука, как размажется уголь. Таких знаков я нарисовал тысячу, а рисую я их обыкновенно с повышенной температурой, с градусником под мышкой. Самый расплыв карандаша по своим чисто линейным законам вырисовывает передо мной волшебные фигуры.

Самый же приём рисования у меня определился способом моего письма: я держу карандаш, как ручку, завиваю и расчеркиваюсь, как будто пишу.

Остаются – они отдельно – мои цветные (наклейка) графированные конструкции – в них весь мой мир. Залитый краской, как в пожаре горящий. Графика между и по треугольникам и квадратам – их излучение.

Если ещё начать думать, пожалуй, и не такое ещё нагородишь о себе, но я думаю, с меня довольно: я ведь невоплотившийся! – и вся моя рисовальная страсть только горит во мне, никого не поджигая: понимаете, голыми руками огня не возьмёшь.

Алексей Ремизов
4.III.1928

Тетрадь IX. «Мои надписи на книгах и в альбомы Серафимы Павловны»
Альбом с рукописными текстами, вклеенными рисунками и фотографиями
Бумага, тушь, перо
35,7 x 24,5
Париж
ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 43

А.М.РЕМИЗОВ
СОВРЕМЕННИКИ И ПРЕДКИ

Современники и предки
Альбом
28 пронумерованных страниц, 22 иллюстрации
31,4 x 21,5 см
Париж, 1934
ГЛМ. Архив Ремизова

ОБЛОЖКА

Цветная типографская бумага, тушь, перо
В правом верхнем углу, рукой автора: ALEXEI REMIZOV [Алексей Ремизов],
ниже – владельческая подпись: N. Reznikoff [Наталья Резникова]

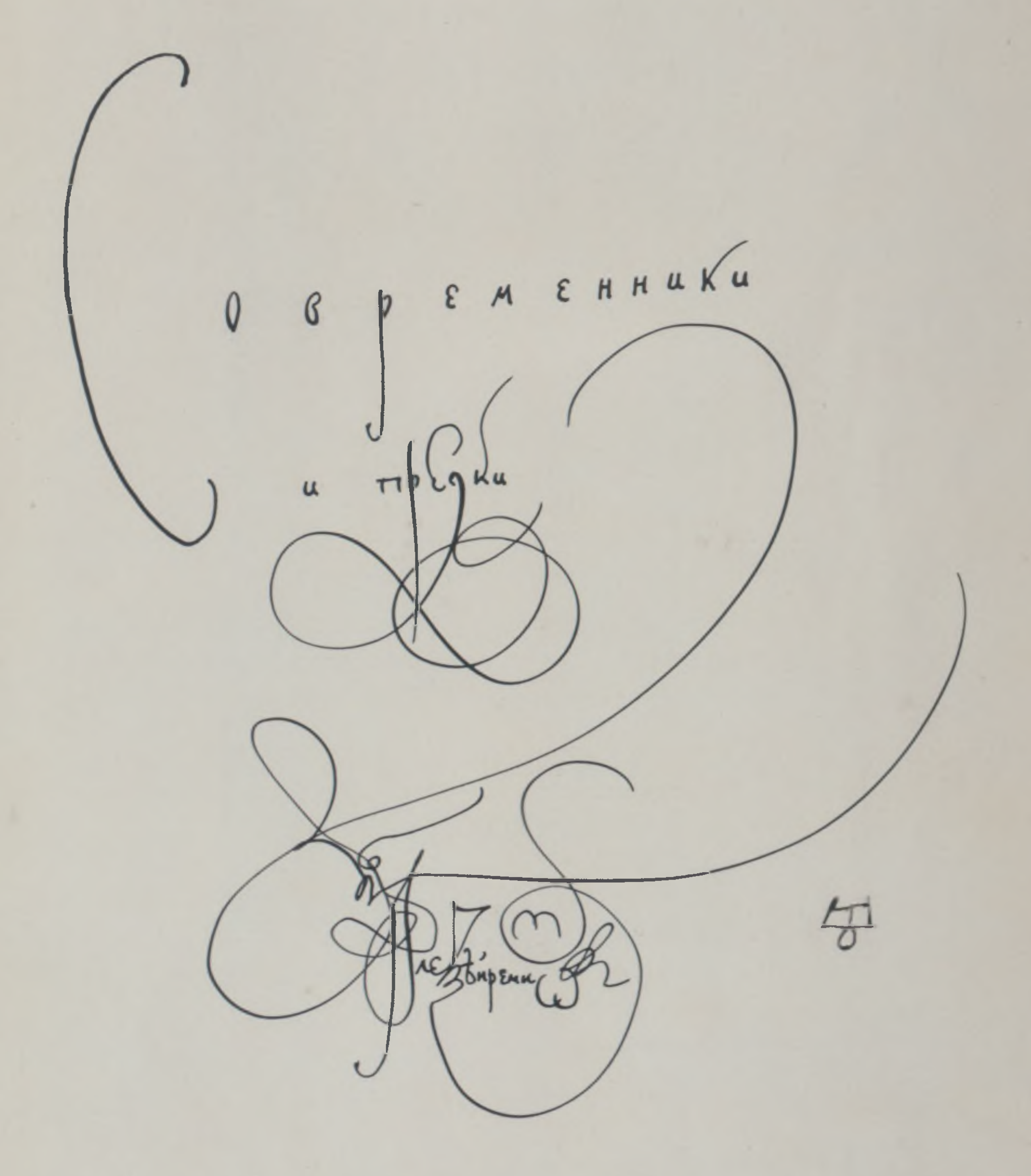
ALEXEÏ REMIZOV

N. Reznikoff

СОВРЕМЕННИКИ И ПРЕДКИ

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ

Белая типографская бумага, тушь, перо
Справа от подписи Ремизова – его «личный знак»

Современники
и предки

СТРАНИЦА 2

Бумага, тушь, перо
31,0 х 20,3
Края листа обрезаны

На листе – текст, написанный рукой Ремизова:
У меня было много рисунков – портреты современниковъ, / но я обратил ихъ в демонов и зверей и / нынешней зимой разыгралъ въ безпроигрышной / лотерее по 10 frs. за рисунок. / И за это я имъ благодаренъ – въ тотъ трудный / месяцъ дали возможность прожить на бѣломъ / свѣте. / Сохранившиеся рисунки – портреты современников – / 22 собраны в этом альбоме: / Толстой, Оу-Янь-Сиу, Горький, Шестовъ, Брюсовъ, Сологубъ, / Блокъ, Андрей Бѣлый в двухъ видахъ, / Щёголевъ, Юшкевич, Игорь Северянин, / Ходасевич, Тэффи, Степунъ, С.Л. Франкъ, / С. Городецкий, Гумилевъ, / Пуни, Пинегинъ, / Соколов-Микитовъ, / К.В. Мочульский, А.С. Ященко. / Портретъ Розанова бережетъ Н.В. Зарецкий в Праге. / Не думаю, чтобы когда-нибудь я сталъ / рисовать, а ужъ перерисовывать и подавно, / и эта рисовальная память моя / единственная.

У меня было много рисунковъ — портреты современниковъ, но я обратилъ ихъ въ демоновъ и звѣрей и нынѣшней весной разыгралъ въ безпроигрышной лотерѣе по 10 frs. за рисунокъ.

И за это я имъ благодаренъ — въ этотъ трудный мѣсяцъ дали возможность прожить на бѣломъ свѣтѣ.

Сохранившіеся рисунки — портреты современниковъ — 22 — собраны въ этомъ альбомѣ:

Толстой, Оу-Янь-Сіу, Горькій, Шестовъ, Брюсовъ, Сологубъ, Блокъ, Андрей Бѣлый въ двухъ видахъ, Щеголевъ, Юшкевичъ, Игорь Северянинъ, Ходасевичъ, Тэффи, Степунъ, С. Л. Франкъ, С. Городецкій, Гумилевъ, Пуни, Мин. Блинъ, Соколовъ-Микитовъ, А. С. Ященко и К. В. Мочульскій.

Портретъ Розанова дѣлаетъ Н. В. Зарецкій въ Прагѣ.

Не думаю, что бы когда-нибудь я сталъ рисовать, а ужъ перерисовывать и подавно и эта рисовальная память моя единственная.

ЛЕВ ШЕСТОВ
Бумага, цветная бумага, фольга, фантики от конфет, коллаж, тушь, перо
16 x 8,6 см
Париж, 1926

На подложке, на одном из кусков розовой бумаги отчетливо читается многократно повторенное слово: CIDA [убивать – *лат.*]. Вокруг изображения: POTESTAS CLAVIUM [«Власть ключей» – название работы Шестова]; EXERCITIA SPIRITUALIA [Основное правило]; APOTHEOSE DU DEPAYSEMENT [видимо, имеется в виду программная работа Шестова «l'Apothéose du déracinement»].
Внизу: LEON CHESTOV / LEO SCHESTOV / ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ. Справа - «знак» Ремизова / 1926 / PARIS

Лев Исаакович Шестов (Иегуда Лейб Шварцман. 31 января / 13 февраля 1866, Киев, Российская империя – 19 ноября 1938, Париж, Франция) – философ-экзистенциалист, писатель. С 1920 года жил в эмиграции.

Последнее напечатанное Льва Шестова – о Бердяеве; последний рассвет – на рю Буало: окна клиники против нашего дома. Это судьба. И этой судьбой однажды соединило нас, и на всю жизнь. Да иначе и не могло быть. Во всех моих «комедиях» Шестов играл, несомненно, главную роль да и в нашей литературной «горькой» участи было похожее: оба мы были «без пристанища» – с неизменным редакционным отзывом «не подходит» или деликатно сказанным «нет места» или обнадеживающим безнадежным «в следующий раз»...

Мне с моим взбалмошным миром без конца и без начала, Шестов пришёлся на руку, легко и свободно я мог отводить свою душу на всех путях её «безобразия». И моим «фантазиям» Шестов верил, доверчиво принимая и самое «несообразное». И никогда я не скажу, говоря «никому нет дела!», чтобы хоть когда-нибудь при этой отчаянной мысли я назвал себе Шестова. Как один из старших моих братьев, Шестов учил меня житейской мудрости на манер Гофмановского кота Мурра: воображаете, какая выходила ерунда! И ещё потому мне легко было с ним и свободно – вот кто не деревяшка, не эти безумные, лишённые юмора, трезвые люди, среди которых дышать нечем.

«Беспросветно умён», так отозвался о Шестове Розанов, а я скажу и «безотчётно сердечен», а это тоже дар: чувствовать без слов и решать без «расчёта»...

24.11.1938

ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 43

LEON CHESTOV
LEO SCHESTOV
ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
Бумага, цветная бумага, коллаж, тушь, перо, кисть
8,9 x 7,9 см
Париж, 1926

Внизу: Валерий Яковлевичъ Брюсовъ. Справа: 1873–1924 / «знак» Ремизова / PARIS / 1926

Валерий Яковлевич Брюсов (1/13 декабря 1873, Москва – 9 октября 1924, Москва) – поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, литературный критик и историк; один из основоположников русского символизма.

1873-1924
PARIS
1926
ВАЛЕРІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ БРЮСОВЪ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
Бумага, коллаж, тушь, перо, кисть
13 x 9,7 см
Берлин, 1922

По нижнему полю рисунка надпись: Андрей Белый Борисъ Николаевичъ Бугаевъ. Над надписью в центре в полукруге: 1880–1934; в правом углу «знак» Ремизова и надпись: BERLIN / 1922 / I.

Андрей Белый (настоящее имя Борис Николаевич Бугаев; 14/26 октября 1880, Москва – 8 января 1934, Москва) – писатель, поэт, критик, теоретик литературы; один из ведущих представителей русского символизма.

BERLIN
1922
I
1880-1934
АНДРЕИ БѢЛЫИ БОРИСЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БУГАЕВЪ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
Бумага, цветная бумага, коллаж, тушь, восковой карандаш, перо, кисть
8,6 x 6,7 см
1929

На рамке: в центре верхнего поля: 1880–1934, в центре нижнего поля: АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. На изображении: справа – «знак» Ремизова; ниже по центру текст: «Андрей Белый и селёдочные хвостики съеденные / им передъ званым обедомъ за что былъ строго на / казанъ и сохранил вечную память».

1880-1934
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

СЕМЁН ЮШКЕВИЧ
Бумага, коллаж, тушь, восковой карандаш, перо, кисть
10 x 5,8 см
Париж, 1925

На изображении, в правом нижнем углу «знак» Ремизова, под ним: 1925 / PARIS. На рамке внизу, по центру: СЕМЁНЪ СОЛОМОНОВИЧЪ ЮШКЕВИЧЪ.

Семён Соломонович Юшкевич (25.ноября / 7 декабря1868, Одесса – 12 февраля 1927, Париж) – прозаик, драматург.

1925
PARIS
СЕМЕНЪ СОЛОМОНОВИЧЪ ЮШКЕВИЧЪ

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН
Бумага, коллаж, тушь, перо, кисть
13,2 х 6,4 см
Париж, 1930

На изображении, в правом нижнем углу – «знак» Ремизова, под ним: 1930/PARIS.
На рамке внизу: ИГОРЬ СЕВЕРЯНИНЪ.

Игорь Северянин (настоящее имя – Игорь Васильевич Лотарёв; 4 мая / 16 мая 1887, Санкт-Петербург – 20 декабря 1941, Таллинн) – русский поэт Серебряного века.

...Помню строчку: «как это было интимно». И.С. спустил поэзию к жизни, к обыденному да пошлому, но к жизни, и в этом его заслуга и значение.

А.Р. 1931

ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 122

1930
PARIS
ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ

СЕМЁН ФРАНК
Бумага, коллаж, тушь, кисть
15,0 х 9,7 см
Берлин, 1922

На изображении, в правом нижнем углу: 1922 / BERLIN. Ниже – «знак» Ремизова.
На рамке внизу, по центру: СЕМЕНЪ ЛЮДВИГОВИЧЪ ФРАНКЪ.

Семён Людвигович Франк (16/28 января, 1877, Москва – 10 декабря 1950, Лондон) – философ и религиозный мыслитель.

1922 V
BERLIN
СЕМЕНЪ ЛЮДВИГОВИЧЪ ФРАНКЪ

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ
Бумага, цветная бумага, коллаж, тушь, перо, кисть
13,3 х 6,5 см
Париж, 1926

На изображении надписи: сверху – WE WILL ROUSE ANCIENT CHAOS / WE WILL SHATTER CHAINES COSMOS / FOR WE CAN, WE CAN, WE CAN [Древний хаос потревожим, Космос скованный низложим. Мы ведь можем, можем, можем!]; слева (снизу вверх) – TOUS LES ARTS SONT ANTISOCIAUX [все искусства антиобщественные]; по центру – INDIVIDUELS [личности]. Ниже: PARIS / 1926, справа – «знак» Ремизова.

Сергей Митрофанович Городецкий (5/17 января 1884, Санкт-Петербург – 7 июня 1967, Обнинск) – поэт, критик, литературовед.

FOR WE CAN, WE CAN, WE CAN
PARIS
1926

НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ
Бумага, тушь, восковые карандаши, перо
15,1 х 11,2 см
Париж, 1932

Под изображением: НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧЪ ГУМИЛЕВЪ / ГРАФЪ ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ N. GOUMILEV. Справа – «знак» Ремизова / 1932 / PARIS.

Николай Степанович Гумилёв (3/15 апреля 1886, Кронштадт – расстрелян в августе 1921 года под Петроградом, место захоронения неизвестно) – поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма, переводчик, литературный критик, путешественник, офицер.

Поздно вечером шёл я по трамвайным рельсам по Невскому – Невский раскатистый с ухабами большой дороги. И всякий, как и я, норовил ходить не по тротуару, а прямо. Ветер – ветер всё тот же – резкий, пронизывал меня сквозь все мои шкурки... В необыкновенной шубе выше, чем в действительности, держась чересчур прямо, навстречу мне по рельсам же и не шёл, а выступал Гумилёв.

Я очень ему обрадовался: с ним у меня связана большая память о моей литературной «бедовой доле» и о его строгой оценке «слова»: он понимал такое: чего другим надо было растолковывать.

Гумилёву в противоположную сторону, но он пошёл меня проводить.

Он говорил необыкновенно вежливо и в то же время важно, а дело его было просительное и совсем не литературное, а «обезьянье».

– Нельзя ли произвести меня в обезьяньи графы: я имею честь состоять в «кавалерах», мне бы хотелось быть возведённым в графы.

– Да нету такого, – ответил я, – чего вам, вы и так, как Блок и Андрей Белый – «старейшие кавалеры» и имеете право на обезьяню служку.

– Нет, я хочу быть обезьяньим графом.

«А и в самом деле, – подумал я, – графов не полагается, но если заводить, но только одного, и таким может быть только Гумилёв».

– Моя должность, Николай Степанович, как вам известно, маленькая, – сказал я полуртом, боясь ветра, – я, как «бывший канцелярист обезвелволпала», спрошу...

– Очень вам буду благодарен.

И, простившись, не пошёл, а проследовал по рельсам.

Я обернулся: он шёл чересчур прямо в своей необыкновенной шубе, шерстью наружу, как у шофёра богатых автомобилей – такой один он во всём Петербурге.

А. Ремизов. Взвихрённая Русь
ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 8

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧЪ ГУМИЛЕВЪ
N. GOUMILEV.
1932
PARIS

ИВАН ПУНИ
Бумага, коллаж, тушь, восковые карандаши, перо, кисть
8,6 x 5,8 см
Париж, 1927

Справа под изображением: PARIS / 1927. Внизу, на рамке: ИВАН АЛЬБЕРТОВИЧЪ ПУНИ.

Иван Альбертович Пуни (20 ноября 1892(?) 1894(?), Куоккала, Финляндия – 28 декабря 1956, Париж) – российский и французский художник, представитель авангарда первой половины XX века. Уехал из России в 1919 году в Финляндию. С 1923 года жил в Париже.

Иван Альбертович Пуни единственный из художников по-настоящему интересовался моими многомерными рисунками. Имя Пуни я стал знать с моим первым театром. Дед Пуни – автор балета «Конек-Горбунок». «Конек-Горбунок» – первое, что я видел в театре. Его внуки: художник Иван Пуни, неразговорчивый, а другой внук – художник Бруни, тоже интересовался моими рисунками. Не простой натуры, был независимым художником.

Из дневника А. Ремизова, 1956

ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 43

PARIS
1927
ИВАНЪ АЛЬБЕРТОВИЧЪ ПУНИ

НИКОЛАЙ ПИНЕГИН
Бумага, коллаж, тушь, перо, кисть
15,2 х 10,8 см
Берлин, 1921

Над портретом Пинегина: КУСИКОВЪ НАПИСАЛЪ СТИХИ ОТЧЕГО ВЪ БЕРЛИНЕ ВОРОБЬИ НЕ ЧИРИКАЮТЪ / НО В СТИХАХ НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛЪ ОТЧЕГО А СКАЗАЛЪ ЗА НЕГО ПИНЕГИНЪ / ВЪ БЕРЛИНЕ ГОВНА НЕТЪ ЧТОБЫ ПОКЛЕВАТЬ ВОТ И НЕ ЧИРИКАЮТЪ. Ниже (сверху вниз): URSS / «знак» Ремизова, справа: BERLIN / 1921. На рамке, внизу: НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ПИНЕГИН САМОЕДЪ.

Николай Васильевич Пинегин (27 апреля /10 мая 1883, Елабуга – 18 октября 1940, Ленинград) – писатель, художник, фотограф, путешественник и исследователь Севера.

КУСИКОВЪ НАПИСАЛЪ СТИХИ ОТЧЕГО ВЪ БЕРЛИНѢ ВОРОБЬИ НЕ ЧИРИКАЮТЪ
НО ВЪ СТИХАХЪ НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛЪ ОТЧЕГО А СКАЗАЛЪ ЗА НЕГО ПИНЕГИНЪ
ВЪ БЕРЛИНѢ ГОВНА НѢТЪ ЧТОБЫ ПОКЛЕВАТЬ ВОТЪ И НЕ ЧИРИКАЮТЪ
URSS
BERLIN 1921
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ПИНЕГИНЪ САМОѢДЪ

ФЁДОР СТЕПУН
Бумага, цветная бумага, коллаж, тушь, восковой карандаш, перо, кисть
10,3 x 9,8 см
1927

На изображении, слева: «знак» Ремизова /1927. На рамке, внизу: Ф.А. СТЕПУНЪ

Фёдор Августович Степун (6/18 февраля 1884, Москва – 23 февраля 1965, Мюнхен) – философ, социолог, историк, литературный критик, общественно-политический деятель, писатель.

Московский философ, философию разводили и на Собачей Площадке, где жил Бердяев, с Гр. Алекс... Рачинским и М.И. Гершензоном (†). Туда же приходил и Шестов (†1938) и Гус[тав] Гус[тавович] Шпет, тогда молодой и... и Андрей Белый. Степун меня «не признавал» или, как у них говорилось: моё было «спорным». Когда я подвожу итоги, думаю, что ведь действительно, за что же признавать меня – ведь я современник Блока и Белого... Да и Брюсов, записывая в дневник «приезжал из Вологды какой-то Ремизов» поминает одновременно своё знакомство с Блоком и поминает Белого и с большим искренним восхищением. Я не знаю, потом – теперь изменил ли Степун обо мне, или что-нибудь решил («спорко»), но не думаю, чтобы очень в сравнении Блока и Белого, про которых Разумник-Иванов раз выразился: «они крылатые», а я – бескрылый. Невозможно, я не претендую: не загадывал и не решал загадок – вот и сейчас боюсь найти себе место, и не умею, а так бы хотелось иногда куда-то спрятаться и отдышаться...

Из дневника А. Ремизова. 22.03.1927
ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 122

1917
Ф. А. СТЕПУНЪ

ПАВЕЛ ЩЁГОЛЕВ
Бумага, цветная бумага, коллаж, тушь, перо, кисть
11,9 x 12,9 см
Париж, 1926

На рамке, вверху: 1877–1931. Над портретом Щёголева: А. РЕМИЗОВЪ РОССИЯ ВЪ ПИСЬМЕНАХЪ КУКХА ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ КРАШЕНЫЯ РЫЛА СЕВЕРНЫЯ АФИНЫ / ЗА ВСЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГОДЫ НЕ БЫЛО ТАКОЙ РЕДАКЦИИ ИЛИ ТАКОГО ЛИТЕРАТУРНАГО ПРЕДПРИ<ЯТИЯ> / ГДЕ БЫ ПОКОЙНЫЙ НЕ УХИТРИЛСЯ ПОЛУЧИТЬ АВАНСЪ / А ВЕСИЛЪ ОДИННАДЦАТЬ ПУДОВЪ. На изображении, внизу справа: «знак» Ремизова / PARIS / 1926 /. На рамке, внизу: ПАВЕЛЪ ЕЛИСЕЕВИЧЪ ЩЁГОЛЕВЪ.

Павел Елисеевич Щёголев (5/17 апреля 1877, с. Верхняя Катуковка, ныне Панинского района Воронежской области, – 22 января1931, Ленинград) – историк литературы и общественного движения, пушкинист.

...Павел Елисеевич Щёголев: ума неизмеримого и богатырского телосложения, ходящий по бескрайнему книжному морю русской летописи, «яко по суху», – ученик Алексея Александровича Шахматова и Александра Николаевича Веселовского; высокой культуры; классик, читавший и по-санскритски и по-персидски; в русском говоре – образец живой русской речи; искусный мастер и книжный справщик в русской грамоте; любил Россию, русскую землю, русскую литературу и из всех Льва Толстого, от которого хранил заветный автограф, – «что каждый человек должен сам думать»; и в взволнованные минуты называл Россию по старине, как только свой, Русью; известен как исследователь Пушкина и историк русского революционного движения <...> молодость провел по тюрьмам и в ссылке; общая участь и книжное почитание сблизили нас – помяну старого товарища и моего литературного «крестного отца» (воистину, «крестного»!), помогшего мне положить начало в моей трудной литературной работе, читая публично ещё не напечатанные произведения никому неизвестного автора и стараясь устроить их в печати – «стенка на стенку»!

А. Ремизов. П.Е.Щёголев. 1877–1931

ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 43

1931
А. РЕМИЗОВЪ ПИСЬМЕНАХЪ КУКХА ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ
НЕ БЫЛО ТАКОЙ РЕДАКЦIИ КАК ТАКОГО ЛИТЕРАТУРНАГО
ВЫ ПОКОЙНЫЙ НЕ УХИТРИЛСЯ ПОЛУЧИТЬ АВАНСЪ
PARIS 1926
ПАВЕЛЪ ЕЛИСЕЕВИЧЪ ЩЕГОЛЕВЪ

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ
Бумага, коллаж, тушь, восковой карандаш, перо, кисть
15,7 x 9,3 см
Париж, 1932

На изображении: слева – 1892, справа – 1932. По изображению (сверху вниз): ПРОСПЕКТЪ / ГОРОДЪ / ПЛОЩАДЬ / УЛИЦА / СОЧИНЕНИЯ / КРАЙ / ДОМЪ. Ниже: ГОРЬКАГО, справа – «знак» Ремизова / 1932 / PARIS / IX. Под изображением: АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧЪ ГОРЬКИЙ ПО СЛУЧАЮ СОРОКАЛЕТИЯ ЛИТ. РАБОТЫ / А. РЕМИЗОВЪ СОВРЕМЕННИКИ И ПРЕДКИ

Алексей Максимович Горький, Максим Горький (при рождении Алексей Максимович Пешков; 16/28 марта 1868, Нижний Новгород, – 18 июня 1936, Горки, Московская область, СССР) – писатель, прозаик, драматург, общественный деятель.

Горький – мифотворец. Место его в русской литературе на виду.

Не Гоголь с его сверхволшебством, не Достоевский с его сверхсознанием, не Толстой с его сверхверой, явление мировое, необычайное; и не Салтыков, не Гончаров, не Тургенев – создатели русского «классического» книжного стиля, Горький по трепетности слова идет в ряду с Чеховым, который своей тихой горечью не менее нужен для человеческой жизни, как и горьковское гордое сознание человека, без чего дышать нечем.

Слово у Горького – от всего бунтующего сердца, слог звучит крепостью слов, стиль: читать Горького можно только громко «во всеуслышанье», но петь Гоголем – Горький не запоётся, как и не зазвучит Толстовским отчитом.

...Алексей Максимович, вы стали судьбой в моей жизни, вы, при всем вашем отталкновении от моего мира снов, вы разгадали вашим чутьем мою любовь к слову, и я обязан вам моим первым выступлением в литературе.

И разве я это могу забыть?

А.М. РЕМИЗОВ. Алексей Максимович Горький. 1868–1936
ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 8

1892
1932
ПРОСПЕКТЪ
ГОРОДЪ
ПЛОЩАДЬ
УЛИЦА
ГОРЬКАГО
СОЧИНЕНІЯ
КРАЙ ДОМЪ
1932 PARIS IX
АЛЕКСѢЙ МАКСИМОВИЧЪ ГОРЬКІЙ ПО СЛУЧАЮ СОРОКОЛѢТІЯ ЛИТ. РАБОТЫ
А. РЕМИЗОВЪ СОВРЕМЕННИКИ И ПРЕДКИ

КОНСТАНТИН МОЧУЛЬСКИЙ
Бумага, коллаж, восковые карандаши, тушь, перо, кисть,
18,6 x 14,2 см
Париж, 1928

На изображении, внизу, справа: «знак» Ремизова, правее – PARIS / 1928. Ниже, слева: КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧЪ МОЧУЛЬСКИИЙ.

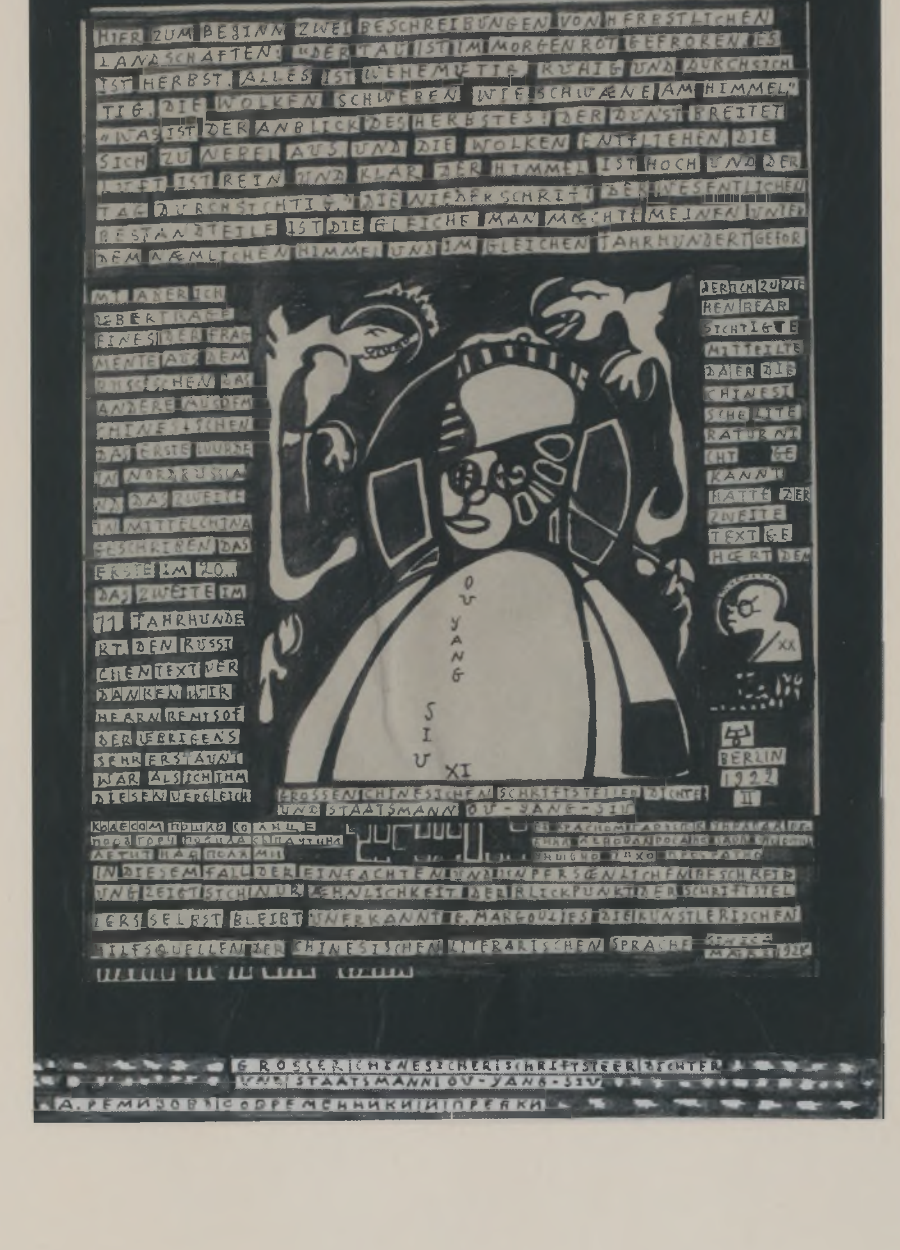
Константин Васильевич Мочульский (28 января / 9 февраля 1892, Одесса – 21 марта 1948, Камбо, Франция) – литературовед и литературный критик, прозаик, поэт, переводчик, мемуарист. В 1919 году эмигрировал в Болгарию. С 1922 года жил в Париже.

КОНСТАНТИНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ МОЧУЛЬСКІЙ
1892
PARIS
1928

OU YANG SIU [Оуян Сю]
Бумага, коллаж, тушь, перо, кисть
17,8 x 12,5 см
Берлин, 1922

Вокруг портрета Оуян Сю – тексты на немецком языке; справа: автопортрет Ремизова (в «нимбе») с надписью: А. REMIZOV. Ниже – «знак» Ремизова, под ним – BERLIN / 1922 / II. На рамке, внизу: А. Ремизовъ. Современники и предки

Оуян Сю (1007, Лулин, ныне Цзиань, провинция Цзянси (или Мианьян, Сычуань) – 22 сентября 1072, Инчжоу, ныне Фуян, провинция Аньхой) – китайский государственный деятель, историограф, эссеист и поэт эпохи династии Сун. Его многосторонние дарования ставят его вровень с деятелями европейского Возрождения.

HIER ZUM BEGINN ZWEI BESCHREIBUNGEN VON HERRLICHEN
LANDSCHAFTEN: "DER TAU IST IM MORGENROT GEFROREN. ES
IST HERBST. ALLES IST WEHMÜTIG RUHIG UND DURCHSICH
TIG. DIE WOLKEN SCHWEBEN WIE SCHWÄNE AM HIMMEL"
"WAS IST DER ANBLICK DES HERBSTES! DER DUNST BREITET
SICH ZU NEBEL AUS, UND DIE WOLKEN ENTFLIEHEN. DIE
LUFT IST REIN UND KLAR. DER HIMMEL IST HOCH UND DER
TAG DURCHSICHTIG." DIE NIEDERSCHRIFT DER WESENTLICHEN
BESTANDTEILE IST DIE GLEICHE. MAN MÖCHTE MEINEN UNTER
DEM NÄMLICHEN HIMMEL UND IM GLEICHEN JAHRHUNDERT GEFOR
MT. ABER ICH
ÜBERTRAGE
EINES DER FRAG
MENTE AUS DEM
RUSSISCHEN, DAS
ANDERE AUS DEM
CHINESISCHEN.
DAS ERSTE WURDE
IN NORDRUSSLAND
DAS ZWEITE
IN MITTELCHINA
GESCHRIEBEN. DAS
ERSTE IM 20.,
DAS ZWEITE IM
11 JAHRHUNDE
RT. DEN RUSSI
CHEN TEXT VER
DANKEN WIR
HERRN REMISOF
DER ÜBRIGENS
SEHR ERSTAUNT
WAR ALS ICH IHM
DIESEN VERGLEICH
DER ICH ZU ZIE
HEN BEAB
SICHTIGTE
MITTEILTE
DA ER DIE
CHINESI
SCHE LITE
RATUR NI
CHT GE
KANNT
HATTE. DER
ZWEITE
TEXT GE
HÖRT DEM
OU
YANG
SIU
XI
XX
BERLIN
1922
II
GROSSEN CHINESISCHEN SCHRIFTSTELLER DICHTER
UND STAATSMANN OU-YANG-SIU
IN DIESEM FALL DER EINFACHEN UND UNPERSÖNLICHEN BESCHREIB
UNG ZEIGT SICH NUR ÄHNLICHKEIT DER BLICKPUNKT DER SCHRIFTSTEL
LERS SELBST BLEIBT UNERKANNT. G. MARGOULIES DIE KÜNSTLERISCHEN
HILFSQUELLEN DER CHINESISCHEN LITERARISCHEN SPRACHE
GROSSER CHINESISCHER SCHRIFTSTELLER DICHTER
UND STAATSMANN OU-YANG-SIU

ЛЕВ ТОЛСТОЙ
Бумага, цветная бумага, коллаж, тушь, восковые карандаши, перо, кисть
11,7 х 19,2 см
Булонь, 1930

На изображении, в нижнем правом углу – «знак» Ремизова, правее: Boulogne / 1930.

Лев Николаевич Толстой (28 августа / 9 сентября 1828, Ясная Поляна, Тульская губерния – 7 / 20 ноября 1910, станция Астапово, Рязанская губерния) – писатель и мыслитель.

ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ 1828 · 1910
1930

ИВАН СОКОЛОВ-МИКИТОВ и НИКОЛАЙ ПИНЕГИН В БЕРЛИНЕ
Бумага, коллаж, тушь, перо, кисть
21,3 х 163 см
Берлин, 1921–1923 (?)

На изображении, в правом нижнем углу – «знак» Ремизова. Внизу, на рамке:
И.С. СОКОЛОВЪ-МИКИТОВЪ И Н.В. ПИНЕГИНЪ ВЪ БЕРЛИНЕ.

Иван Сергеевич Соколов-Микитов (17 / 29 мая 1892, Осеки – 20 февраля 1975, Москва) – писатель, путешественник, участник арктических экспедиций.

И. С. СОКОЛОВЪ-МИКИТОВЪ И Н. В. ПИНЕГИНЪ ВЪ БЕРЛИНѢ

ИВАН СОКОЛОВ-МИКИТОВ и АЛЕКСАНДР ЯЩЕНКО В БЕРЛИНЕ
Бумага, коллаж, тушь, перо, кисть
18,3 x 16,2 см
Берлин, 1921–1923(?)

На изображении, в правом нижнем углу – «знак» Ремизова. Под изображением, на рамке, в центре: И.С. СОКОЛОВЪ-МИКИТОВЪ И А.С. ЯЩЕНКО ВЪ БЕРЛИНЕ.

Александр Семёнович Ященко (24 февраля / 8 марта 1877, Ставрополь – 10 июня 1934, Берлин) – ученый-юрист, педагог, философ, продолжатель традиции русского религиозного идеализма (прежде всего – В.С. Соловьева).

Получив научную командировку от пермского университета в Берлин, отказался вернуться в Россию. За рубежом принимал активное участие в общественной и научной жизни русской эмиграции. Печатался в газете «Голос России», в журналах «Жизнь» и «Русский эмигрант». Стал основателем и редактором крупнейшего эмигрантского журнала «Русская книга», принимал участие в издании журнала «Вестник самообразования».

И. С. СОКОЛОВЪ-МИКИТОВЪ И А. С. ЯЩЕНКО ВЪ БЕРИНѢ

ЗАСТАВКА С ТЕКСТОМ РЕМИЗОВА
Бумага, тушь, перо
31,0 х 19,7 см
Париж, 1934

В нижнем углу альбомного листа: «знак» Ремизова / 12 XI 1934 / PARIS.

Этотъ альбомъ „современники" – 23 рисунокъ (22 лица)
законченъ въ ноябрѣ 1934 года

12 XI 1934
PARIS

ЗАСТАВКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ОБЕЗЬЯНЬЕГО ЦАРЯ АСЫКИ
Бумага, типографская печать
5,3 х 4,8 см

...В жизни Ремизова игра, шутка, выдумка – занимали большое место. Придуманный им «неправдошний», «непохожий» мир обезьяньего ордена давал богатую тему его творческой фантазии.

Обезьянья палата не имела отношения к настоящим, живым обезьянам, да А.М. и не любил их. Он брал их символом только в отношении свободы и своеволия и неподчиненности человеческим правилам и нормам. «Обезьяны не лгут».

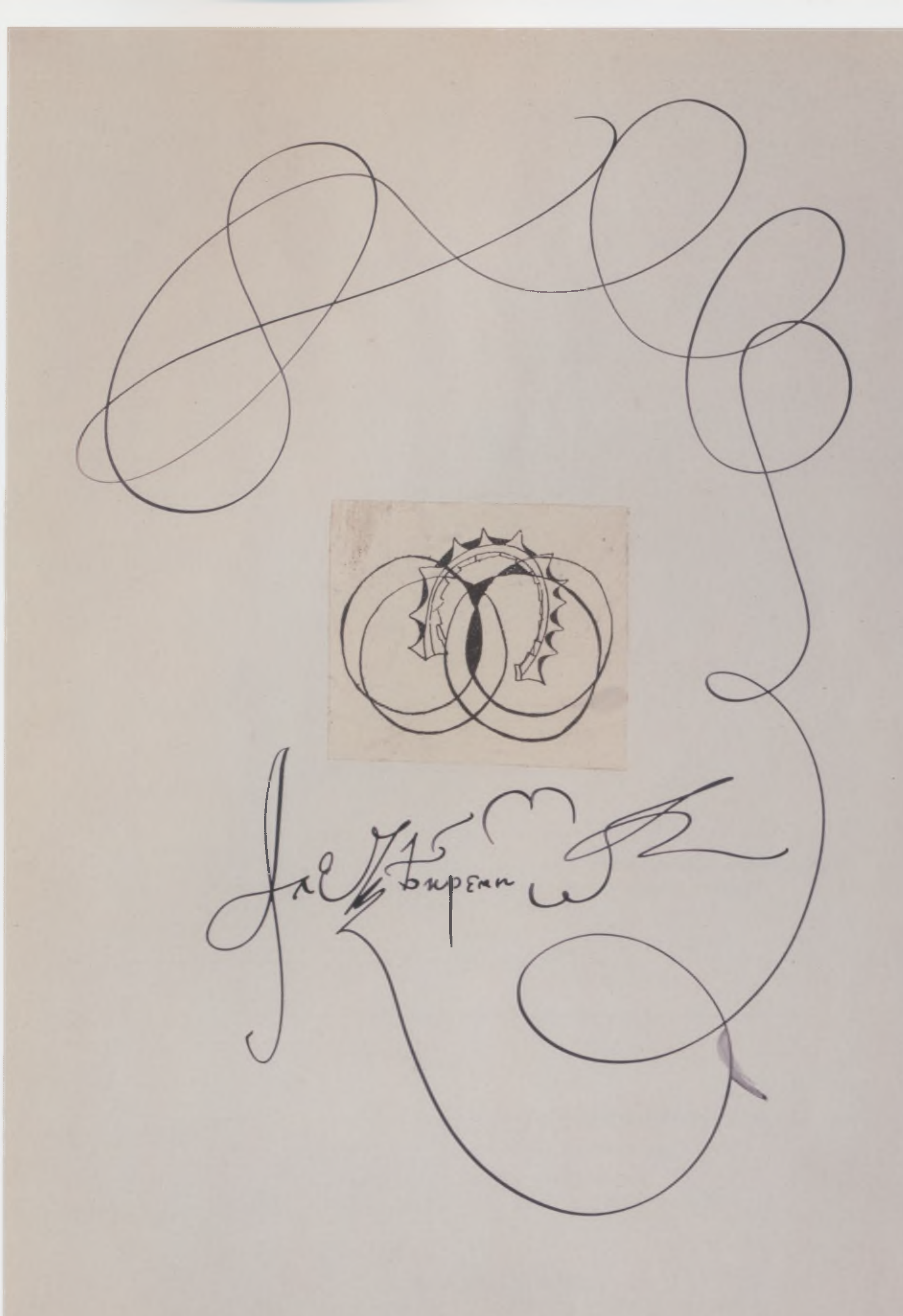
Обезьянья великая и вольная палата была открыта для людей, способных в жизни глубоко и бескорыстно увлекаться, творчески любить и переживать что-нибудь, выходящее из строя повседневных интересов и дел, нормальных занятий.

...Обезвелволпал возглавлялся обезьяним царём Асыкой. Царь Асыка – невидимый. Сам А.М. занимал в палате место канцеляриста. Вновь принятому кавалеру вручалась грамота с каким-нибудь знаком: «кукушкиным яйцом», «куньими лапками». Кроме кавалеров разных степеней существовали обезьяньи князья. В числе старейших князей обезьяньих были – А. Блок, А. Белый, Р.И. Иванов-Разумник, Гребенщиков, Замятин <...> При получении грамоты Горький был в восторге: «Пешковы стали князьями!»

Н.В. Резникова. Из книги воспоминаний о Алексее Михайловиче Ремизове (машинопись)
ГЛМ. Архив Ремизова. Папка № 57

ΑΒΡΑΞΑΣ

ЗАСТАВКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДВУХ КОЛЕЦ И КОРОНЫ
Бумага, типографская печать, тушь, перо

В оформлении обложки использован фрагмент рукописного альбома А.М. Ремизова
Бумага, коллаж, тушь, восковой карандаш, типографская печать
28,8 x 22,3 см
Париж
ГЛМ. Архив Ремизова

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. ВОЗВРАЩЕНИЕ: материалы к выставке
Составители: Алпатова И.Г., Каверина Д.В.
Государственный литературный музей
Москва 127051, ул. Петровка, д. 28, тел. 8-495-621-3857

Издательство «Три квадрата»
Москва 125319, ул. Усиевича д. 9, тел./ факс 8-499-151-1833

Подписано к печати 3.04.2013. Бумага мелованная. Печать офсетная. Тираж 700 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Август Борг», Москва

ISBN 978-5-94607-177-2

Выставочно-издательский проект «АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. Возвращение»

основан на материалах архива выдающегося русского писателя

Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957),

в течение 55 лет хранившихся в семье Резниковых (Франция)

и возвращенных в Россию в 2013 году

ТРИ КВАДРАТА МОСКВА 2013